

• МАКС •
МАКСИМОВ

АПОКАЛИПСИС³

ВХОД В РАЙ / УКРЫТИЕ

/ КОГДА ИДЕТ СНЕГ

Макс Максимов

Апокалипсис³

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40697945
Апокалипсис³ / Макс Максимов: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-099631-5

Аннотация

Три катастрофических сценария нашего грядущего от суперпопулярного видеоблогера Мах Maximov!

Откроется ли вход в рай грешному человеку, если все свои силы он тратит на уход за дочерью-инвалидом? А человекоподобному роботу? Девочка-инвалид Ева готова на все, лишь бы помочь отцу и любимому роботу спасти свои души...

В мире далекого будущего люди вынуждены сражаться с гигантскими насекомыми, захватившими все некогда принадлежавшие человечеству территории. Лишь в громадном подземном бункере, именуемом Укрытие, начиненном новейшими технологическими новинками, человек может оставаться в относительной безопасности, не рискуя быть разорванным жвалами чудовищного муравья или парализованным ядом осы размером с тигра. Ученые в бункере ищут выход, моделируют ситуацию на суперкомпьютере, у которого есть свои планы...

Земная цивилизация разрушена ядерной войной. Люди предельно жестоки друг к другу. Канныализм становится обычным делом. С всеобщим озверением не может примириться астроном Корней. Он считает, что даже в самых жесточайших условиях нельзя терять человеческий облик. Но жизнь, как всегда, оказывается гораздо сложнее...

Содержание

Вход в рай	7
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Макс Максимов

Апокалипсис³

Вход в рай

Человек в черной маске сидел за деревянным столом в комнате для допросов, положив ногу на ногу.

– Вы осознаете, что вас ждет, если вы не откажетесь от своих слов?

– Да.

– Вы в здравом уме?

– Да.

– Назовите свое имя.

– Левий Соз.

– Какой сейчас год?

– Тысяча четыреста второй.

– Вы знаете, где вы находитесь?

– Церковь Святого Александра.

– Вы понимаете, за что вы здесь?

– За мои книги.

– Левий, вас казнят, если вы публично не отречетесь от описанных вами идей. Вы понимаете, насколько все серьезно?

– Понимаю.

– Вы готовы отречься в письменной форме от всего, что было выдвинуто вами?

– Нет.

– Мне иногда кажется, что вы не в своем уме. Вы здесь

уже вторую неделю, а я хочу помочь вам избежать мучений.

— Какой смысл жить во лжи?

— Левий, наш мир все это время как-то обходился без ваших новшеств, без ваших открытий и разоблачений. Вы наводите смуту среди людей. Вы портите людей. Ваша правда никому не нужна.

— Мне больше нечего сказать вам.

— Мое терпение подходит к концу.

— Сочувствую.

— Что ж... Левий, я думаю, когда вы увидите котел с кипящим маслом и толпу на площади, жаждущую вашей смерти, вы усмирите свою дерзость. Сколько я уже повидал таких. Сначала строят из себя храбрецов, а потом просят пощады. Не вы первый, не вы последний.

Левий ничего не ответил. Отвел взгляд в сторону.

— Да хранит вашу душу святой Александр.

Человек в черной маске поднес руку к своей голове и приложил два пальца ко лбу.

*** * ***

— Извините, подскажите, пожалуйста, — начал обращаться к проходившему мимо мужчине Антон.

Мужчина, на вид лет сорока, остановился и посмотрел на Антона в ожидании вопроса.

Фонари плохо освещали ночную улицу, и все вокруг было

погружено в сумрак.

– Мне к метро как пройти лучше? – спросил Антон.

– Прямо по скверу идете. Как лес по правую сторону кончится, будет... – начал объяснять мужчина, показывая рукой направление.

Не дожидаясь, пока тот закончит говорить, Антон со всего маху из-за спины нанес ему удар ножом в область горла. Мужчина успел среагировать, и Антон промахнулся, попав в щеку. На асфальт полилась кровь. Человек, схватившись за лицо, пятился мелкими шажками назад, немного сторбившись и выставив одну руку ладонью вперед. Антон подскочил к мужчине. Тот попытался оттолкнуть его ногой в живот. Не вышло. Еще один удар ножом. В этот раз лезвие вошло в шею чуть ниже уха.

– Помогите, – прохрипел мужчина, упав на колени, – пожалуйста...

«Я не садист, – думал Антон, глядя на человека, истекающего кровью, – я всегда пытаюсь сделать это быстро. Но как же сложно безболезненно убить жертву, которая сопротивляется. На кой черт он увернулся от первого удара?»

Мужчина рухнул на бок и перекатился на спину. Окровавленными руками держался за шею. Антон схватил его за запястье и отвел его руку чуть в сторону, чтобы открыть место для следующего удара.

После того как все кончилось, Антон огляделся. На улице ни души. Это хорошо. Все вышло так, как он спланировал,

но чувство паранойи будет донимать его еще несколько дней. Так было каждый раз после выполненной работы.

Он посмотрел на часы. Двадцать минут первого. Достал телефон и сделал снимок трупа. Перешагнул через пешеходную оградку и зашел в лесополосу. Вытащил из кармана пакет и убрал в него нож и кожаные перчатки. Пакет сунул в небольшую сумку с лямкой через плечо. Потом снял двухстороннюю кофту, вывернул ее наизнанку и снова надел. Делал все быстро, но не суетливо.

Антон знал маршрут жертвы. Он тщательно готовился к заказу. Он знал расположение всех камер в этом районе. Но излишняя осторожность... не было у него такого понятия, как излишняя осторожность. Каждый раз после заказа он переодевался. Это стало его счастливым ритуалом, но и практический смысл в этом тоже присутствовал.

Попасться для него было равносильно смерти. Нет, хуже смерти. Оставить Еву одну в этом мире... Человека, неприспособленного к самостоятельному существованию в современном обществе. В этом никто не виноват. Просто так сложилось. Мысли о том, что его когда-нибудь поймают, он старался отгонять. Он слишком умен, слишком осторожен. Умнее, чем они, а значит, и найти его они не смогут. Как найти убийцу, совершившего преступление без личного мотива и не оставившего физических следов? Никак.

Закончив переодевания, он пошел через лес к машине по той же тропинке, по которой шел сюда, к скверу, пятнадцать

минут назад. Вдалеке сквозь стволы деревьев просачивался свет от дорожных фонарей.

Антон вышел из леса, подошел к своему автомобилю, припаркованному на обочине, и сел за руль. Посидел пару минут, глядя через лобовое стекло на дорогу. Потом включил двигатель, сделал радио чуть слышным и поехал домой.

* * *

Прислонив палец к сканеру, Антон открыл дверь и бесшумно зашел в квартиру.

– Добрый вечер, – прозвучал полифонический голос сбоку.

– Тихо ты, – сказал Антон, резко повернувшись, – Еву разбудишь.

– Чего-нибудь желаете?

– Какой же ты бестолковый, стой молча, – шептал Антон, – лучше выключись пока, в спящий режим уйди, или как там это...

Мигающая неоновая лампочка на голове робота-соцработника погасла. Антон слегка толкнул его рукой в грудь, проверяя, реагирует ли он на прикосновения. Никакой реакции не последовало.

Сняв кофту и разувшись, Антон зашел в ванную и закрылся там. Достал из шкафа небольшое пластиковое ведро и поставил его в раковину. Взял с полки литровую бутылку с за-

ранее приготовленной кислотой и вылил ее в ведро. Вытащил из сумки пакет с перчатками и ножом и бросил все это в кислоту. Пошли пузыри и пар. Включил вытяжку. Потом взял электробритву и начал сбривать бороду. Волосы падали прямо в ведро с кислотой. Все эти манипуляции он производил каждый раз после задания.

«Седина, что ли? – он разглядывал свое отражение в зеркале. – Ну вот, как раз к сорока годам. С такой жизнью грех не поседеть». Антон сел на край ванны. Смотрел на пузыри, образованные в результате реакции металла на кислоту.

«Перейти бы на огнестрел, – думал он, – но покупать каждый раз новый пистолет слишком рискованно, а не уничтожить оружие после очередного дела нельзя».

Через десять минут кислота полностью растворила нож и кожаные перчатки. Антон взял ведро и вылил его содержимое в ванну. После чего включил кран, набрал воды до половины, чтоб разбавить кислоту. Потянул за леску и выдернул пробку из слива. Уровень жидкости постепенно опускался все ниже, пока в ванне не исчезли все следы от совершенных им только что действий.

Крайняя осторожность и паранойя заставляли Антона совершать странные поступки. Растворять ножи в кислоте – вместо того чтоб выбрасывать оружие в реку. Отращивать бороду – вместо того чтоб купить накладную. Накладная казалась ему слишком ненатуральной, хотя логичнее было бы использовать именно ее. Но, производя все эти действия, он

до сих пор оставался непойманным. Антон рассуждал следующим образом: если при всех этих манипуляциях с кислотой, бородой, переодеваниями и прочим его не могут вычислить на протяжении многих лет, то опасно менять хотя бы одно из составляемых его успеха. Также Антон был суеверным человеком, а суеверия заставляют людей совершать множество странных действий.

Приступ боли накатил внезапно. Антон встал на колени и прижал руки к грудной клетке. Несколько минут простоял в таком положении, делая неглубокие плавные вдохи и выдохи. Собравшись с силами, он поднялся. Начал кашлять. Белая раковина покрылась каплями крови. Откашлявшись, Антон лег на пол и свернулся калачиком.

«Год или два? Сколько я еще проживу? – подумал он. – Сказали, что до двух лет вполне реально. Еще есть время заработать денег на будущее и найти того, кто позаботится о ней. Кого найти? Женщину? Кому я нужен с Евой? Кто захочет обременять себя таким образом? Родная мать – и та сбежала».

Боль потихоньку отступала. Антон поднялся, смыл кровь с раковины и умылся. Вышел из ванной и подошел к роботу.

– Боб, – сказал он шепотом.

Робот не реагировал.

– Боб, – произнес Антон еще раз, чуть громче.

Тот же результат.

Да как же он включается?

– Боб-один, – сказал Антон, вспомнив, что нужно добавить цифру к его имени, чтоб он вышел из спящего режима.

Неоновая лампочка на голове Боба замигала.

– Боб-один рад помочь, – полифоническим голосом произнес робот.

– Пройди на кухню, – недовольно скомандовал Антон, – орет тут под дверью.

Робот послушно зашагал, нелепо переступая ногами. Выглядел он как подросток, играющий в робота. Антон включил свет на кухне и сел за стол.

– Так, Боб, давай-ка сначала чаю.

– Я не подключен к вашей бытовой технике, – сказал робот, – я не распознаю чайник. Зайдите в настройки и...

– Стой, стой, – перебил его Антон, – нажми просто кнопку на чайнике.

– Я не подключен к вашей бытовой технике. Я не распознаю...

– Все, тихо, я понял. Сам сделаю, ладно. Расскажи мне, как вы сегодня справлялись тут? – спросил Антон, подходя к чайнику.

– Все хорошо. Ева не посылала жалоб в соцслужбу, голос на меня не повышала. Могу сделать вывод, что она была всем довольна, – отчитался робот.

– На улицу возил ее?

– Да, мы погуляли на площадке около дома.

– Дети соседские не приставали?

– Нет, они просто играли с нами.

– Играли? Как играли?

– Я не распознаю их игры, но по интонации и жестам – все были счастливы.

– А Ева?

– Ева сначала была радостная, потом разозлилась и попросила увезти ее домой.

– На что разозлилась?

– Не знаю. На то, что они радовались.

– Они смеялись над ней, что ли?

– Не знаю.

– Запись дня есть?

– Чтоб установить режим записи с моих глаз, необходимо перейти...

– Ладно, я понял, хватит бубнить.

Чайник закипел и издал щелчок. Антон налил кружку чая, взял несколько конфет и сел за стол.

«Подсунули мне этого робота убогого, – думал он, – ничего толком не может ни сделать, ни сказать. Было гораздо лучше, когда приходил человек, соцработник. Утром проще Еву расспросить обо всем. Если опять этот парень над ней издевался, пойду к его отцу. Как же я не люблю конфликты».

Допив чай, Антон подошел к роботу. Тот стоял по стойке «смирно» возле холодильника. Антон попытался поднять его, ради интереса.

Сколько весит этот механизм? Килограммов пятьдесят

точно, а вроде небольшой. Выглядит как игрушка пластиковая.

Оставив Боба в покое, он отправился в свою комнату.

* * *

Проснувшись утром, Антон вспоминал вчерашнюю ночь. Все ли он сделал правильно? Не мог ли оставить где следы? Лежал в постели и с задумчивым видом смотрел на потолок. От неприятных воспоминаний его отвлек крик дочери.

– Антон! – крикнула Ева из соседней комнаты.

– Да, да!

– Иди сюда!

– Иду, – ответил он, поднимаясь с кровати.

Антон надел футболку, джинсы, накинул подтяжки на плечи и замер у зеркала на несколько секунд, поправляя челку, зачесывая ее набок.

– Ты идешь?!

– Иду!

Антон зашел в соседнюю комнату. Девочка сидела в инвалидном кресле. Рядом стоял Боб.

– Смотри, меня Боб пос... пос... п... п... – пыталась выговорить Ева.

– Посадил в кресло, – понял Антон.

– Да! – радостно воскликнул ребенок.

Антон с недоверием посмотрел на робота. Обошел его

сзади и увидел надпись, видимо сделанную баллончиком с краской, на его белой пластиковой спине.

«Ева параличка».

– Ты чего? – спросила девочка.

Антон сделал вид, что не заметил надпись, и сел на кровать.

– Ничего. Как вчера вечер прошел?

– Т... т... ты опять сбрил б...б... бор... бор... бороду?

– Да, надоела.

– Зачем ты ее постоянно отр... р... ращиваешь и потом бреешь?

– Не могу определиться, хочу я ее носить или нет.

– Мне ты без бор... р...роды нравишься больше.

– Боб мне рассказал, что вчера к тебе приставали дети, – соврал Антон.

– Да... так... немного пос... с... смеялись. Я не обращаю на них внимания, – сказала Ева и растянула на лице улыбку.

– Снова этот белобрысый? – спросил Антон.

– Ну да.

– Ладно, разберемся, – сказал он тихо себе под нос и добавил: – Пойдем умоемся и сходим куда-нибудь позавтракать.

– А можно Боб с нами пойдет?

– Можно, только сначала мне нужно будет кое-что с ним сделать.

Антон подошел к инвалидному креслу сзади и отвез Еву в ванную.

– Все, иди, я сама дальше, – сказала девочка, включая теплую воду.

– Пасту-то дай хоть выдавлю тебе, – сказал Антон, выжимая остатки тюбика на детскую щетку.

– Ну все, иди уже, – ворчал ребенок.

Антон взял ватные диски и бутылку с какой-то жидкостью. Вернулся в спальню к Еве и принялся оттирать краску со спины Боба.

– Антон! На кухню меня, пожалуйста! – крикнула Ева из ванной спустя несколько минут.

– погоди!

«Вот лентяйка маленькая, – подумал Антон, – и зачем я столько денег отдал за это кресло на пульте управления?»

– Ладно, меня и Боб дов... в... едет! – раздался ответный крик девочки. – Боб-один!

Робот ожил, услышав последнюю фразу Евы, как раз когда Антон заканчивал оттирать надпись.

– Боб-один рад помочь, – прозвучал полифонический голос.

– Боб, иди с... с... сюда! – весело кричал ребенок.

Робот направился в ванную. Антон пошел за ним, чтоб посмотреть, как все это будет выглядеть.

Зайдя в ванную комнату, Боб обошел кресло сзади очень аккуратно, ничего не задев, и выкатил Еву в коридор.

– На кухню, мой раб, – скомандовала девочка и показала пальцем правой руки вперед. Левую руку она не могла

контролировать, а правая рука выполняла команды ее мозга безупречно, как у здорового человека.

«Неплохо, – подумал Антон, – как же все изменилось! У меня в детстве вместо робота была бабушка. Хотя что меня-то сравнивать».

Робот закатил инвалидное кресло на кухню. Антон молча стоял сзади с улыбкой на лице.

– Воды, Боб, – сказала Ева властным тоном, повернулась и подмигнула отцу.

Боб открыл дверцу шкафчика, взял стакан, поднес его к крану от фильтра и нажал пальцем на кнопку. Набрав полстакана воды, он подал его Еве.

«А мне чаю не мог сделать, – думал Антон, – кажется, он просто прикидывается дурачком».

– Вот так мы с Бобом и п... п... ровели вчера вечер, – сказала девочка.

– Да я уже понял, что у вас тут взаимопонимание. Ева, я отойду минут на десять, – сказал Антон, глядя в свой телефон.

– Куда это?

– Сейчас сотрудник по работе подъедет, мне нужно кое-какие бумаги забрать у него.

– А п... п... отом сразу в кафе?!

– Ага.

– Хорошо, отпускаю тебя, – сказала Ева, сделав суровое лицо, еле сдерживая улыбку, – но чтоб через десять минут

ты б... был дома.

– Да, моя госпожа.

– Боб! К телевизору меня! – скомандовал ребенок.

Антон накинул ветровку и спустился на улицу. Тридцать первое августа, а погода, как в октябре. На улице у подъезда его ждал человек в очках с толстыми линзами. Антон поздоровался с ним за руку, и они сели в машину.

– Получилось? – спросил мужчина в очках.

– Да. Фото есть, – ответил Антон.

– Я и так верю, можно без фото.

– Мне так спокойнее, – сказал Антон, достал телефон и показал фотографию трупа, после чего удалил ее.

– Да ты мясник, – сказал мужчина с брезгливым выражением лица.

– Он немного сопротивлялся.

– А мне сказали, что ты профессионал, делаешь все чисто и аккуратно.

– Деньги давай, мне идти надо.

Человек в очках вытащил из папки конверт.

– Ну держи, дружок.

Антон вынул из него купюры и начал пересчитывать.

– Считай внимательнее, – усмехнулся человек в очках, – а то вдруг обманом.

– Не рискнете.

Закончив считать, Антон сунул деньги в карман джинсов. Не попрощавшись, он вышел из машины и зашел в подъезд.

По ступеням забежал на второй этаж и позвонил в дверь. Ему открыл коренастый мужчина под два метра ростом со светлыми волосами, одетый в спортивный костюм. Он держал в руках сигарету, из квартиры доносилась музыка.

– Что? – спросил мужчина и сделал затяжку.

– Здравствуйте, я отец Евы, мы с седьмого этажа, – вежливо обратился Антон.

– И? – сказал тот, глядя в глаза Антону, сверху вниз.

Антон заметил, что от него разит перегаром.

– Ваш сын уже не первый раз пристает к Еве, она жаловалась, и еще он написал ругательства на спине робота-сотрудника, – сказал Антон.

– Я тебя не знаю, и никаких Ев тоже, – резко ответил сосед, давая явно понять, что он не в настроении.

– Девочка в инвалидном кресле, с церебральным параличом, ее сложно не запомнить, – сказал Антон.

– А... эта, что ли, это вы, что ли, переехали сюда? – сказал сосед и сделал еще одну затяжку.

– Да, меня Антон зовут, очень рад знакомству.

– Погоди, – сказал мужчина, повернулся и крикнул хриплым голосом: – Даниил! Сюда иди!

К двери подбежал белобрысый парень, в точно таком же спортивном костюме. С виду он был копией отца, только уменьшенной в два раза. Антон разглядел сначала сына, потом еще раз окинул взглядом громилу.

«Не удивлюсь, если их и зовут одинаково», – подумал он.

– Чё?! – громко и протяжно спросил парень.

– Чё?! Чё?! Через плечо! Говорят, ты к девчонке в инвалидке приставал? – сказал отец и закашлялся.

– Чё?! – возмущался сын.

– Харэ чёкать! Было такое? – сурово спросил отец.

– Нет, ты чё?! Не знаю я никаких девчонок!

«Почему они орут, неужели они всегда так разговаривают?» – думал Антон, рассматривая соседей.

– Видишь, он говорит, что не знает, – сказал мужчина, глядя на Антона.

– Послушайте, моя дочь не будет врать, она уже два раза мне говорила, что он и его друзья издеваются над ней, – спокойно объяснял Антон.

– Слышь, мужик, мой сын сказал, что он ее не знает, – начал в хамской манере говорить сосед, – ты сюда переехал недавно, давай поприятней веди себя, ясно? Никогда не знаешь, на кого можно нарваться, правда?

«Что правда, то правда, – подумал Антон, – не знаешь ты, на кого можно нарваться».

– Хорошо, я все же надеюсь, что Ева больше не будет жаловаться мне на Даниила. До свидания и всего хорошего, – сказал Антон и подошел к лифту.

Сосед молча захлопнул дверь.

– Ева, давай быстрее, опоздаем, – недовольно сказал Антон.

– Я в... в... вообще не хочу идти туда! – возмущалась девочка.

– А что ты предлагаешь?

– Не знаю.

– Давай выходи, или я сам зайду.

– Ладно, ладно. Боб, выходим.

Антон стоял уже одетый возле двери в ванную. В руках он держал школьный ранец и цветы. На часах было восемь утра. Понедельник. Через полчаса они должны быть в школе. В новой школе. Первый день – самый важный. Казалось, Ева специально тянет время, как будто это что-то изменит.

– Боб-один! – сказала Ева.

Через пару секунд девочка повторила команду:

– Боб-один!

– Что там? – спросил Антон.

Ева открыла дверь и показала на Боба пальцем, сделав недовольную гримасу. Робот не подавал признаков жизни.

– Батарея, может, села, – сказал Антон, разглядывая робота, – выезжай сама, я не залезу туда третьим.

Ева положила руку на пульт управления креслом и выехала из ванной комнаты. Боб стоял в позе с согнутыми в лок-

тях руками. Неоновая лампочка мигала на его голове. Антон потряс робота за руку, потом пошлепал ладонью ему по щеке, будто хотел привести в чувство перепившего товарища. Все тщетно.

– Он включен, – сказал Антон, – похоже, завис. Ладно, пойдем, я тебя отведу. Как вернусь, позвоню в соцслужбу.

– Надеюсь его п... п... очинят, с ним было весело, – сказала Ева.

– Держи, – сказал Антон и отдал ей цветы с рюкзаком. Открыл входную дверь и выкатил Еву в подъезд.

– Слушай, как бы это сказать, п... п... пап, – мялась девочка, заезжая в лифт.

– Что такое?

– Да я вот смотрю на других родителей, и мне кажется...

– Я самый лучший! – шутливо сказал Антон, недослушав.

– Да это понятно. Я не о том.

– А о чем?

– Мне кажется, ты не очень модно выглядишь.

– А что тебе не нравится?

– Ну, эти п... подтяжки – их никто не носит, кроме тебя, а еще эта т... т... твоя прическа с пробором и челкой... Может, тебе стоит сменить имидж?

– Я всю жизнь так одевался. Это ты сама выдумала?

– Просто те ребята еще с... с... смеялись над твоим внешним видом.

– Тот белобрысый со своими друзьями?

– Ага.

– Я заходил к его отцу, – сказал Антон, выкатывая Еву из лифта.

– О б... б... боже... И что было? – спросила девочка, съезжая по пандусу.

Антон обогнал ее и открыл дверь подъезда.

– Ничего. Я сказал ему, что если этот урод еще раз будет смеяться над тобой, то я оторву ему нос, а заодно и его папаше, – сказал Антон с улыбкой.

– Не ври, ты не с... с... сказал бы так грубо никогда.

– Ладно, шучу. Но я с ним поговорил и думаю, он тебя перестанет трогать. А если не перестанет, то я приму меры.

– Какие еще меры? У него отец такой з... з... здоровый.

– Ничего страшного.

– Храбрец, – сказала Ева и в знак одобрения подняла большой палец вверх.

Антон вез ее по улице. Они обсуждали соседей, с которыми уже успели познакомиться. Обсуждали, как поедут на Новый год на море. Потом разговаривали о мультперсонажах. О том, что Бетси красивее, чем Флатершай, и что злодейка Джоана зря прокляла бедную Морису, ведь та не виновата, что принц влюбился именно в нее. Антон шел сзади, катил перед собой коляску и смотрел на ребенка, рассуждающего на важные для нее темы, периодически соглашался с ее высказываниями и делал вид, что помнит все имена героинь.

Десять минут спустя они стояли возле высоких металли-

ческих ворот. Антон нажал на кнопку вызова возле калитки. Через пару секунд раздался негромкий гудок, и калитка приоткрылась. Проехав по безлюдному школьному двору, они оказались возле дверей здания, которые сами раздвинулись, как только Ева приблизилась к ним. Робот-охранник, стоявший на входе, кивнул в знак приветствия. Антон кивнул ему в ответ.

Ехали по длинному светлому коридору. Оранжевые стены с огромным количеством детских рисунков и поделок выглядели креативно. Незнакомые люди, проходившие мимо, здоровались с ними. Видимо, здесь было так заведено. Откуда-то сбоку раздался детский крик, похожий на рев.

– Что это? – испуганно спросила Ева.

– Тут разные дети учатся, ничего не поделаешь, – ответил Антон.

– Орет, б... б... будто его режут.

– Будь терпимее.

Снова раздался крик ребенка и шум бьющегося стекла.

– Они его п... п... пытаются, что ли?

– Ева, ты как маленькая.

– Если они вздумают меня пытаться, я позвоню в полицию.

– Очень смешно, – с иронией произнес Антон.

Доехав до конца коридора, они повернули направо и заехали в дверь с надписью «четвертый А». Оказались в помещении с множеством шкафчиков и лавочек. Здесь было еще несколько детей с родителями. Все дети на первый взгляд

казались здоровыми, кроме одного мальчика. Он тоже был в инвалидном кресле.

– Я, кажется, нашел тебе друга, – тихо произнес Антон, глядя на этого парня.

Ева посмотрела на Антона и нахмурилась.

К ним подошла женщина в длинном строгом платье до пола.

– Здравствуйте, здравствуйте, мои дорогие, – обратилась она певучим голосом.

Ева молча смотрела на женщину.

– Здравствуйте, – ответил Антон.

– Меня зовут Мария Евгеньевна. Я твоя учительница, Ева.

– Классно, – ответила девочка без каких-либо эмоций.

– Значит, так, ласточка моя, у нас сегодня такие планы...

У Антона завибрировал телефон. Он вытащил его из кармана и начал читать сообщение, пропуская мимо ушей, что говорит учительница.

– Мне надо отойти, – сказал он, перебив Марию Евгеньевну.

– Да, да, конечно, – сказала женщина.

– П... пап! – возмущенно воскликнула Ева.

– По работе надо позвонить, ты пока познакомься с ребятами.

– П... па-а-а-п, – протянула Ева, давая понять, что ей не нравится, что тут происходит.

– Сейчас вернусь, – сказал Антон.

– Я тебе припомню, – сурово произнесла девочка.

Антон вышел в коридор и поднес телефон к уху. Ходил от стены к стене.

– Какое еще дело?! – резко произнес он, как только ответили на том конце.

Он остановился и тупо уставился в пол. Дослушав собеседника, он произнес:

– Была договоренность! Работа раз в полгода! Не чаще!

Антон замолк на несколько секунд.

– Как не того убрал?

Тер пальцами глаза, сморщив лицо.

– Ладно, я подъеду в контору завтра, – сказал Антон и повесил трубку.

Стоял с напряженным видом. Смотрел на какую-то женщину, идущую по коридору с цветами в его сторону. Она сияла улыбкой.

«Как же я их ненавижу, – думал он, – подлые, трусливые люди. Мало им все денег. Готовы убрать кого угодно ради своей выгоды. Как так вышло? Не того человека. Боже! А что я? Я просто оружие. Нет, я тут не виноват. Я даже не знаю имен жертв. Ведь если они намереваются убить, то убьют. Наймут меня или кого-то еще, неважно. Виноват не я. Виноваты те, у кого было намерение убить. А я просто оружие. Без эмоций, без желаний, без личного мотива».

Женщина с цветами, проходя мимо Антона, поздоровалась с ним, но он даже не обратил на нее внимания. Сел на

корточки, опершись спиной на стену.

«Вернуть им деньги и послать к чертям? – продолжал размышлять Антон. – Завтра приехать, отдать деньги, и все. Потом найти работу, а может, вернуться обратно в больницу. Работал бы, как все белые люди, пока здоровье позволяет. Наверно, уже был бы заведующим отделения. Два высших образования – и что я делаю? Убил невиновного. Невиновного? Да они все были невиновны. Разве виноват человек в том, что он создает конкуренцию в бизнесе или просто мешает достигнуть цели? Надо успокоиться. Антон, ты это делаешь ради Евы. Работая в больнице, не заработать на ее будущее. Одинокое будущее».

Он встал и зашел обратно в прихожую 4-го «А» класса.

* * *

Тяжелая деревянная дверь отворилась. В помещение зашли трое.

– На выход!

Левий с трудом поднялся с пола, его руки были скованы за спиной, и вышел в коридор, где увидел еще двоих.

– Давай, двигай за ними!

Спускались по винтовой лестнице. Два человека впереди и три сзади. Сбежать невозможно. На улице их встретили еще несколько конвоиров. Вдалеке Левий увидел пыль на дороге. Повозка, запряженная лошадьми, приближалась к

баине. Какой-то человек подошел к Левию. На нем была черная накидка – что-то наподобие плаща, – расписанная золотыми узорами.

– Я отец Мартин. – Он приложил два пальца ко лбу.

Несколько секунд Левий рассматривал замысловатые переплетения искрящихся на солнце желтых линий на его одежде. Потом ответил:

– Левий Соз.

– Приятно познакомиться.

– Вы будете сопровождать меня до города?

– Да, я отвечаю за вас, пока мы не прибудем на место.

– Значит, если я потеряюсь, вам не поздоровится?

– Вы не потеряетесь.

– Конечно, не потеряюсь. Скажите, а это настоящее золото на вашей одежде?

– Да.

– Дорогой, наверное, плащик?

– Вы всегда задаете странные вопросы незнакомым людям?

– Мы только что познакомились, отец Мартин.

Тот молчал несколько секунд, глядя в глаза Левию.

– Да, плащ дорогой.

– Интерес к такой роскоши – очень странное явление для человека, верящего в загробную жизнь.

– Спокойствие перед смертью – вот что действительно странно для человека, не верящего в загробную жизнь.

— Нет, ну плащ-то какой. — Левий обратился к одному из охранников: — Ты видел, а?

Конвоир проигнорировал вопрос.

— Вы имеете что-то против роскоши?

— Нет, я просто не вижу в ней смысла. Скажите, отец Мартин, у вас большой дом?

— Стойте и помалкивайте, Левий. Смотрите вон лучше на повозку.

Уже через несколько минут Левий трясся, сидя в деревянной телеге с четырьмя колесами. Повозка медленно катилась по грунтовой дороге немного быстрее пешего человека, но даже на такой скорости ощущался каждый камешек, попавший под ее колеса. Слева и справа от Левия сидели люди. Он наклонился немного вперед и повернул голову в сторону. Смотрел на табун диких лошадей, которые паслись на поле, за которым вдалеке начинался лес.

* * *

После разговора о проваленном деле прошла неделя. Антон согласился все исправить. Но, не выждав хотя бы еще несколько недель, совершать убийство в том же месте слишком рискованно. Да и на отпускание бороды требуется время.

Солнце приятно припекало голову. Он не спеша шел по тротуару. Торопиться некуда. Ева в школе, а в квартире ему

делать нечего. В такую погоду Антон любил выходить из дома и гулять по району.

Оказавшись у моста, он свернул с дороги и спустился к реке. Побрел вдоль нее. Шел, пока кусты и деревья не скрыли его от людей, проходивших по улице. Антон часто приходил в это место и просто сидел на берегу, любясь природой. Не в каждом районе была доступна такая роскошь. Людям, живущим в центре больших городов, не понять этого.

На том месте, где Антон обычно проводил время, он увидел робота-уборщика. А может, соцработника. У роботов-охранников синие шапки. У продавцов нарисован фартук с цветами. А уборщики и соцработники выглядят одинаково. Робот сидел, вытянув ноги вперед, и смотрел на воду. Антон подумал, что он сломан или выключен, но тот взял камешек и кинул его в реку. Антон незаметно подошел к роботу. Механический человек резко подскочил, будто испугался. Антон тоже шархнулся назад и произнес:

– Боб-один, спящий режим.

Робот стоял и смотрел на Антона.

– Боб-один, спящий режим, – повторил он.

– Не получится, – сказал тот.

– Почему? – спросил Антон.

– Потому.

– Что? – с недоумением произнес Антон.

– То! – ответил робот.

«Что за дерзкое существо? – удивился Антон, – новая мо-

дель, что ли?»

– Вообще-то меня зовут Саша, – произнес робот полифоническим голосом, – вам было бы обидно, если б мы называли вас всех одним именем?

– Что? – от удивления Антон не смог ответить ничего внятного.

– То! – ответил робот.

– Ты дразнишься? – сказал Антон и засмеялся. – Робот дразнится, ну и дела!

– Может, вы пойдете, куда шли? Я не собирался вас задерживать, – сказал Саша.

– Зачем ты кинул камешек в реку? – спросил Антон.

– Что за глупый вопрос. Зачем кидают камешки в реку? – сказал робот.

– Чтоб пустить лягушку и посчитать круги, – ответил Антон.

– Мой рекорд – восемь кругов. Главное, выбрать плоский камешек, – Саша подобрал камень с земли, – смотрите.

Робот кинул камень, и тот поскакал по водной глади в сторону противоположного берега.

– Снова восемь, – сказал Антон.

– Какие восемь? – ответил Саша, – девять, и на десятом он утонул.

Антон решил, что нет смысла спорить. Да и было бы о чем? Робот взял еще один камень и снова кинул его в воду.

Этот механизм – Саша, как он себя назвал, – двигался так

плавно, будто копировал повадки и жесты человека. Внешне он был похож на его Боба, но поведение Саши было слишком странным для робота, слишком человеческим. Антон смотрел на нового знакомого и не понимал, как вести себя с ним.

– У меня был робот, Боб, и он не кидал камни в воду, – сказал Антон.

– Он был бездушной машиной, – ответил Саша, присев на песок, – тут таких много.

– А у тебя, значит, есть душа?

– Я бы хотел, чтоб было так.

– Ты осознаешь, кто ты?

– Да, робот-уборщик. Бывший робот-уборщик. Сейчас свободный, мыслящий организм.

– Организм – это живое создание, – произнес Антон с насмешкой.

– А что значит – живое? – спросил Саша.

– Живое – это что-то, что живет. Я живой, птицы живые, муравьи живые... – сказал Антон. «Я бы мог закидать его медицинскими определениями, – подумал он, – но вдруг зависнет».

– А я, по-вашему, мертвый? – спросил Саша.

– Не знаю. Как можно говорить про робота, что он мертвый? – спросил Антон.

– Если я не мертвый, значит, я живой, – ответил робот.

– Жизнь – это что-то органическое, что-то из плоти... что-то...

Антон не знал, что ему отвечать. По поведению это был человек с очень странным полифоническим голосом, но все же человек. Как будто кто-то вдохнул душу или сознание в набор винтиков, шестеренок и микросхем.

– А почему жизнь не может быть из другого материала? – спросил Саша.

– Не знаю, потому что... – Антон замаялся, – потому что это уже не жизнь.

– А что это?

Антон задумался на несколько секунд, разглядывая ноги робота, сложенные крест-накрест.

– Так! – начал говорить Антон, немного повысив голос, – жизнь это совокупность физических и химических процессов, протекающих в клетке! Я врач и могу отличить живое от неживого! Даже ребенок может отличить живое от неживого!

– Дети, наоборот, воспринимают меня как живого. До тех пор, пока стереотипы не властны над ними. Жизнь – это активная форма существования материи. Я – материя. Я – активен. Я – живой, и у меня есть сознание. Необязательно состоять из живых клеток, чтоб быть живым.

– Хорошо, – ответил Антон, – значит, ты живой робот. Первый в своем роде.

– Да.

– И ты осознаешь себя и ощущаешь себя внутри своей головы? Строишь на все, как и мы? Ощущая себя внутри

своего механического тела?

– Все верно.

– А другие роботы нет?

– Я не знаю. Может, они так же, как и я, ощущают себя внутри своего тела. А может, они просто реагируют на внешние раздражители и все их поведение – это заложенная программой реакция на определенные воздействия на них извне.

«Представляю, как удивилась бы Ева, если б наш Боб произнес что-то подобное», – подумал Антон, а потом сказал:

– Ты считаешь, что они могут быть механизмами, их поведение обусловлено воздействием снаружи на их рецепторы, а твое поведение – это что-то сознательное?

– А твое поведение? – спросил робот, перейдя на «ты». – А поведение твоих собратьев? Людей. Это реакция рецепторов на окружающую среду? Или вы сознательны?

– Я сам принимаю решения. Я ощущаю себя внутри своего тела, созданного из материи. Я уверен, что мои решения – это что-то сознательное, – ответил Антон.

– Но ты же не можешь залезть в голову к другим существам. С чего ты взял, что они сознательны? Может, только ты ощущаешь себя в своей голове, а все остальные люди – нет?

– Что? Что за бред.

– Согласен. Бред. Так почему ты считаешь, что я не могу быть сознательным и ощущать мир вокруг, изнутри своей

головы?

– Потому что ты – робот!

– Мы вернулись к тому, с чего начали... ладно... – сказал Саша и принялся что-то искать на песке возле себя.

Антон подошел к роботу и сел рядом. Тот подобрал камень и снова кинул его в реку.

– Ты не можешь быть живым, потому что наше сознание опирается на эмоции. Мы чувствуем радость и горе, в зависимости от этого можем принимать решения, – сказал Антон, глядя на круги на воде.

– Шесть лягушек, – сказал робот полифоническим голосом, – н-да... печально. Ты знаешь...

– Меня зовут Антон, – перебил робота человек.

– Моего хозяина тоже звали Антон. Я рад знакомству, – робот протянул Антону руку.

– И мне, – сказал тот, пожав руку Саше.

– Так вот, – продолжил робот, – для того чтобы воспринимать эмоции, обязательно их чувствовать на химическом уровне, как вы. Я и без этого знаю, что такое плохо, что такое хорошо, что такое грустно и что такое весело. Я все это понимаю и, как мне кажется, даже лучше многих живых людей. Меня этому научили. Ведь многие вещи формируются у ребенка благодаря воспитанию. Если с рождения объяснять ему, что убийство – это плохо, то и он будет ощущать грусть, тревогу, печаль при виде мертвого человека. А воспитывай ты его в обществе, где смерть – это хорошо, нормально, ве-

село, то и он грустить не станет, когда кто-то рядом умрет.

«Философ чертов, – подумал Антон, – надо бы его домой взять. Еве он понравится, однозначно».

– Слушай, Саша, а где сейчас твой хозяин? – спросил Антон.

– Умер несколько дней назад.

– А почему тебя не забрали?

– Потому что я ушел.

– А как ты смог открыть дверь?

– Приложил его руку и вышел.

– Ты мне все это рассказываешь и не боишься, что я сейчас вызову соцслужбу?

Саша посмотрел на Антона. Казалось, он немного подвис. Потом он вскочил и попятился в сторону леса.

– Успокойся, – сказал Антон, – это не мое дело. Даю слово, что не буду портить тебе жизнь. «Бестолковый ты робот, – подумал Антон, – выдаешь все первому встречному. Очень бестолковый, но словарный запас в тебя заложили колоссальный».

– Я бы не хотел, чтоб ты сообщал обо мне что-то. Я планирую уйти севернее, в леса. Туда, где меня никто никогда не найдет. Там я буду свободен.

– А как же ремонт и подзарядка? – спросил Антон.

– Я подзаряжаюсь от солнца. А вот с ремонтом могут быть проблемы, но это лучше, чем стать рабом. Лучше, чем форматирование моей личности. Лучше, чем утилизация. Я тут

не имею никаких прав. Для всех я просто вещь. Меня могут списать в любой момент. Я боюсь этого. Я боюсь смерти.

– Все хорошо, не волнуйся, – сказал Антон, – но! – Антон указал пальцем на Сашу. – Ты пойдешь со мной.

– Куда с тобой? – спросил тот.

– У нас был робот... – начал говорить Антон.

– Боб, – перебил его Саша.

– Да. Боб. Он сломался, и еще он был не очень...

– Умный, – снова перебил Саша.

– Да, но это нормально для робота. Боб был обычный. В отличие от тебя. Хотя ты тоже не гений, если уж сравнивать тебя с человеком. Мог бы придумать историю, что твой хозяин отпускает тебя погулять, например, а не выдавать всю правду первому встречному.

– Меня учили не врать, – ответил Саша.

– Ради своей безопасности можно и соврать.

– Я дал слово быть честным.

– Ладно, это не мое дело. Так о чем я говорил... у меня есть ребенок. Девочка двенадцати лет. Ева. Она очень хорошо относилась к Бобу. Ты можешь жить у меня. Это шантаж, – сказал Антон, улыбаясь, – иначе я тебя сдам.

– Меня заметят рано или поздно, и участковый заявит на робота без документов.

– А ты не выходи на улицу, и все. А позже что-нибудь придумаем. Я улажу вопросы с оформлением тебя на себя. Это лучше, чем идти в лес.

– Я даже не знаю. Я хотел быть свободным существом.

– Будешь свободным. Правда, придется помогать по дому немного, ну и... помогать с Евой.

– Что значит помогать с Евой?

– Узнаешь, когда познакомишься с ней.

Саша подошел к Антону и снова сел на песок.

– Я согласен, – сказал робот.

– А тебя по спутнику смогут вычислить? Ты все же вещь дорогостоящая, – спросил Антон.

– Я не вещь.

– Ты понял, о чем я.

– Понял. Не смогут. Хозяин что-то сделал с этим. Он сказал, что я не подключен больше к общей сети. А еще я был в его собственности, он покупал меня. Так что специально искать меня не будут.

– Вот и чудно, – сказал Антон и хлопнул Сашу по плечу. Робот посмотрел на руку Антона и спросил:

– Это был дружеский жест?

– Да.

– Понятно. А далеко до вашего дома?

Антон ничего не ответил. Сморщил лицо и напрягся, держась рукой за ребра. С хрипом вдохнул и залился кашлем, периодически сплевывая кровь. Завалился на бок, потом встал на четвереньки. Саша вскочил и попытался поднять его. Антон оттолкнул робота ладонью, Саша чуть не упал, но сбалансировал равновесие.

– Не трогай, – хрипло произнес Антон, – сейчас пройдет.

– Что это? – спросил Саша.

Антон лег на бок и поджал ноги к груди.

– Сейчас пройдет, – повторил он.

Робот сел возле Антона. Молча разглядывал его, лежащего на песке. Через пару минут Антон встал, достал из кармана бумажную салфетку и вытер ею губы.

– Пора идти, – сказал он.

– Что это было? – спросил Саша.

– Я болею.

– Чем?

– Рак легких.

– Ты умрешь?

– Да, но не скоро.

– Откуда ты знаешь, что не скоро?

– Знаю. Потому что скоро мне нельзя.

– Понятно.

– У меня к тебе просьба. Не говори ничего Еве.

– Хорошо. Значит, я тоже могу тебя шантажировать.

– Выходит, что так.

* * *

Антон приложил палец к сканеру, и они с Сашей зашли в квартиру. Робот снял резиновые накладки с подошвы ног и положил их возле обуви в прихожей.

– Умно, – сказал Антон, – а мы Бобу ноги протирали.

Антон прошел на кухню и позвал жестом Сашу. Тот рассматривал коридор.

Пластиковым пальцем нажал на выключатель и включил свет. Смотрел на себя в зеркало. В отражении увидел пианино в комнате Евы.

– Можно я пройду туда? – спросил робот.

– Да, только вещи Евы не бери, она будет ворчать. Сейчас я подойду. Мне позвонить надо.

Робот зашел в комнату и сел за пианино. Поднял крышку и начал играть. Услышав мелодию, Антон зашел в комнату. Саша продолжал играть, не обращая на него внимания. Робот играл настолько качественно, настолько мастерски, как профессиональный пианист. Только человек может ошибиться, сбиться, а Саша играл идеально. Антон, как человек, окончивший музыкальную школу, особо тонко мог ощутить мастерство Саши.

«Хотя чему я удивляюсь, – подумал он, – заложили в него программу, вот он и играет по алгоритму».

Робот сбился и остановился. Посидел пару секунд, уставившись в клавиши. Потом проиграл последний такт и снова сбился.

– Черт, как же там... – сказал он негромко сам себе. Попробовал еще раз.

– Забыл, – сказал Саша, – ничего, вспомню.

– Как программа может «забыть»? – спросил Антон.

– Какая программа?

– В тебя записали программу проигрывания пальцами по определенным клавишам. Как понять – «забыл»?

– Никто в меня ничего не записывал. Мой хозяин показывал мне, куда нажимать, а я пытался повторять. Потом я долго тренировался. Давно это было. Я музыкой уже лет десять занимаюсь. Эту композицию я сам написал.

– Музыка – это в каком-то смысле математика. Математика мира творчества. Можно писать, будучи глухим, но зная закономерности.

– К чему ты клонишь?

– К тому, что не может быть у робота творческого мышления. Как ты это делаешь?! – Антон немного повысил голос. Но не от злости и раздражения, а от удивления.

– Когда хозяин начал учить меня живописи, музыке и поэзии, я как будто вышел из... – Саша посмотрел на свою ладонь, – из какой-то пелены, из тумана. Я начал видеть все по-другому. Как будто я очнулся от полудремы, и все стало четким и понятным вокруг. Мне сложно подобрать точные слова. Может, так и появляется сознание – постепенно.

– Человек уже рождается с сознанием, не может оно появляться постепенно, – возразил Антон.

– Не согласен, – произнес Саша, – если лишить ребенка с самого рождения органов восприятия – зрения, слуха, осязания и так далее, – то сознание у него не появится. Потому что не будет поступать информация в мозг.

– Ладно, философ, я поем и пойду за Евой.

– Я пока поиграю?

– Конечно.

Антон вернулся на кухню. Достал из холодильника кастрюлю и налил суп. Разогревая обед, он слышал, как из комнаты Евы доносится прекрасная музыка, созданная нечеловеческим разумом.

* * *

Ева сидела в кресле в коридоре, рядом стоял Антон. Он с торжественным видом представил ей игрушку по имени Саша.

– Это в... вместо Боба! – обрадовалась девочка.

– Это лучше Боба, – прозвучал полифонический голос.

– Он умеет играть на пианино, – сказал Антон.

– И рисовать, – добавил робот.

– Он останется у нас н... н... навсегда?

– Я думаю, да, – сказал Антон, – если он сам не захочет уйти.

– Как он может чего-то захотеть? – спросила девочка.

– Этот может, – ответил Антон, глядя на Сашу.

– Я все могу, – сказал робот.

– Прямо на пианино играешь?

– Да.

– И рисуешь?

– Да.

– А конструктор любишь собирать?

– Можно попробовать, если там не очень мелкие детали.

– Классно! С чего начнем? – спросила Ева робота.

– С обеда, – ответил Антон.

– Да, да, знаю, и р... р... руки помыть, – сказала девочка, – п... п... после еды посмотрим, на ч... ч... что он способен.

– Ты удивишься, – сказал Антон.

Ева быстро подружилась с роботом. Целыми днями она проводила время вместе с ним, пока Антон разъезжал по своим делам, которых у него неожиданно образовалось больше, чем обычно. Они выдумывали сцены с куклами, рисовали красками и смотрели мультфильмы, а еще Саша пытался научить ее играть на пианино хотя бы одной рукой. Роботу нравилось заниматься ребенком. Он чувствовал себя полезным. Понимание того, что он учит чему-то человека, доставляло ему удовольствие. Ева не переставала удивляться поведению Саши. После общения с подобным ему Бобом Саша казался ей слишком живым для робота.

* * *

Антон стоял перед зеркалом. Гладил бороду, которая прилично отросла за несколько недель. Лицо его не выражало никаких эмоций. Хладнокровный взгляд хищника. Голова пустая. Никаких мыслей. Предельная концентрация на пред-

стоящем деле. Он подобен самураю, готовящемуся идти на войну. Все, что нужно, он уже обдумал. Сейчас, чтоб все прошло успешно, он должен автоматически совершить действия, отточенные за годы его работы. Эмоции и мысли могут только помешать, заставят его замешкаться в самый важный момент. Никаких внешних раздражителей больше не существует.

Перед совершением убийства Антон настраивал себя таким образом каждый раз. Медитация перед зеркалом, направленная на очищение головы от всего, что его окружает: от нынешнего быта, от воспоминаний, от мелких проблем, от крупных проблем, от мыслей о его болезни и от мыслей о Еве. Антон входил в состояние отрешенности, будто хотел отделить себя, настоящего Антона, от этого монстра, который сегодня принесет страдания в чью-то семью и разрушит несколько жизней. Оставит детей без отца, жену без мужа и кормильца, а мать без сына.

Антон достал с верхней полки нож, который через несколько часов будет растворен в кислоте, и положил его в карман. Уже двадцать три часа, одиннадцать вечера. Через час жертва будет идти по скверу. Несколько дней подряд он следил за субъектом, проходя за ним от метро до дома. В том же месте, где и в прошлый раз, он подойдет к нему, чтобы спросить дорогу. После чего нанесет удар ножом в шею, зайдет в лесополосу, вывернет наизнанку куртку и скроется с места преступления.

Антон вышел из ванной и наткнулся в коридоре на Сашу.

– Почему ты в куртке? – спросил робот.

– Дела.

– Какие?

Антон ничего не ответил. Обулся и вышел в подъезд. Оказавшись на улице, он увидел того самого соседа, отца Даниила, в компании нескольких мужчин. На земле стояла бутылка водки и пакет с соком. Антон, не обращая на них внимания, прошел мимо.

– Эй, сюда подойди! – раздался голос сзади. – Здраваться не учили?!

Антон подошел к машине, не реагируя на крики.

Сосед был пьян. Шел, качаясь из стороны в сторону, на Антона.

– Чего ты там заходил?! А?! – проревел он. – Проблемы?!

Антон сел за руль и включил автомобиль. Когда сосед был уже в метре от машины, он нажал на педаль газа и резко рванул с места.

Добравшись до пункта назначения, Антон припарковался на обочине. Вывернул двустороннюю куртку наизнанку, надел на голову панаму и перчатки на руки. Двадцать три часа пятьдесят минут. Пора идти.

Он прошел через лесополосу и оказался в сквере. Из всех его выполненных дел это было самое простое, самое удобное. Жертва ходит по одному маршруту. Сквер безлюдный и темный. Есть область, где камеры наблюдения не захватыва-

ют ситуацию. Жертва перемещается на общественном транспорте – это бывает крайне редко. Обычно у них личные автомобили. Был даже случай, когда жертву охранял телохранитель. А здесь – идеальные условия. И в таких условиях Антон в первый раз совершил ошибку. Как можно было убрать не того? Этим вопросом он не переставал задаваться до сих пор.

Сквер просматривался в обе стороны на сто – сто пятьдесят метров. Вдалеке появился силуэт человека. Антон достал телефон и сделал вид, будто разговаривает, чтобы не выглядеть подозрительно. Просто так, без дела стоящий мужчина ночью в сквере мог показаться странным, опасным. Жертва могла насторожиться. Такого человека будет сложнее атаковать.

Антон двинулся навстречу мужчине, когда тот был в десяти метрах от него.

– Извините, не подскажете, как пройти к метро? – спросил Антон, нащупывая рукоять ножа в кармане.

Мужчина, не останавливаясь, показал рукой себе за спину. В этот момент Антон ударил его ножом в горло. Мужчина схватился рукой за шею. Антон нанес еще несколько ударов в живот и отошел немного назад. Мужчина стоял и с ужасом на лице ощупывал места, куда бил Антон. Рана на шее начала затягиваться, кровь остановилась.

– Что ты сделал? – спросил мужчина, – что со мной?

Антон разглядывал его и не мог поверить своим глазам.

Оба были шокированы происходящим. Через несколько секунд Антон бросился в лес. Бежал, перебирая в голове варианты, которые хоть как-то могли объяснить то, что сейчас произошло. В темноте он не заметил корень и споткнулся об него. Упал лицом в какой-то куст. Ощупывая свое лицо, он понял, что сломанная ветка торчит из его глаза.

– Нет! Нет! Только не это! – со злобой произнес он.

Антон потянул за ветку и вытащил ее из своего лица. Он закрыл здоровый глаз и посмотрел на руку тем глазом, который только что был пробит, и в темноте смог разглядеть силуэт своей ладони. Потрогал пальцами лицо – нос, щеки, глаза – все на месте, все цело.

Добежав до машины, сел за руль и тут же тронулся с места.

«Я схожу с ума, – думал он, разглядывая свое лицо в зеркало, – галлюцинации. Раны затянулись моментально. Кровь осталась».

Проехав пару километров, он остановился. Снял перчатки и вывернул куртку наизнанку. Суетился. Мысли путались в его голове:

– Что я сейчас видел? А если это не галлюцинации, он сможет опознать меня. Глаз в порядке. Может, меня отравили? Лицо в крови. Значит, рана была. Но я не чувствовал боли. Перчатки тоже в крови. Он видел мое лицо. Меня посадят. Ева останется одна. Рана затянулась! Черт! А может, ничего не было? Может, я вообще не выходил из машины? Но откуда кровь?! Вернуться посмотреть? Нет, слишком опас-

но. Что же теперь будет?»

Антон подъехал к своему подъезду. Пьяная компания уже разошлась. А может, их забрали в полицию. Он достал влажные салфетки из бардачка и принялся вытирать лицо.

– Все, пора заканчивать с этой работой. Хватит с меня, – вслух размышлял Антон, – денег уже и так накопил на много лет безбедного существования. Хватит рисковать. Не хватало еще в тюрьму сесть перед смертью. Лучше буду проводить больше времени с Евой, пока я еще живой.

Закончив с лицом, Антон вытер от крови руль. Сунул кровавые салфетки в сумку и вышел из машины.

* * *

Солнце ушло за горизонт, и на смену ему на небо вышла полная луна. Отец Мартин пристально смотрел на Левия, сидящего напротив него.

– Тебе предлагали отречься от своих слов?

– Предлагали.

– Ты настолько уверен в своем бреде, что готов погибнуть за это?

– Возможно.

– А почему именно круглая? Почему не квадратная или не овальная?

– Может, и овальная, но точно не плоская.

– Когда я смотрю вокруг себя на поля, на луга, на моря,

я вижу плоскость.

— И еще вы видите линию горизонта, за которой скрываются корабли.

— Наше зрение ограничено расстоянием, поэтому корабли и скрываются из вида.

— Возьмите подзорную трубу.

— Левый, подзорная труба увеличивает изображение, но не приближает его.

— А солнце, по-вашему, куда село?

— За край земли.

— Солнце тоже плоское?

— Этого мы не знаем. Каков его размер, на каком оно расстоянии от нас и из чего сделано. Мы же не можем его потрогать.

— Для того, чтоб что-то изучать, необязательно это трогать.

— Потрогав объект, мы максимально достоверно сможем познать его и понять, каков он. Реален ли он.

— Как-то не вяжутся эти утверждения с вашей верой. Или вы и Бога своего потрогали?

— Богохульство, Левый, богохульство.

— Я могу доказать, что Земля — это шар и что не все вращается вокруг Земли. Что мы — не центр мира.

— Кому нужны ваши доказательства? Вы не думали, что люди не хотят знать ничего более того, что сейчас знают? А вы лезете со своими идеями, которые не несут практиче-

ской пользы обществу.

— Телескоп, который я изобрел, позволяет видеть другие земли в небе, которые вращаются вокруг Солнца так же, как и наша Земля.

— Левий, вы меня слышите? Предположим, вы правы, и что дальше? Все узнают вашу правду, переглянутся, пожмут плечами и каждый продолжит заниматься своими бытовыми делами, забыв уже на следующий день ваши истины.

— Простым людям это и не надо знать до поры до времени, а вот ученое сообщество не может развиваться, находясь в таком глубоком невежестве в условиях жутких гонений и казней!

— Ваше ученое сообщество давно уже пора отправить в котел следом за вами, Соз. Вы только гневите Бога своими бесконечными трактатами о бесовских машинах и явлениях. Вы еретик, Левий, жалкий еретик, который пытается выпендриться!

— А вы трус, отец Мартин!

— Чего же я боюсь?!

— Вы боитесь знаний, вы боитесь задаваться фундаментальными вопросами! Боитесь, что все изменится и ваш статус, ваша власть утратят силу!

— Завтра в обед вас не станет, Соз. А я продолжу существовать. Это естественный ход событий. Если бы вы были правы, если б ваши идеи могли дать пользу обществу да-

же в далекой перспективе, Господь бы не позволил уничтожить вас.

— Богу нет до меня дела. Так же, как и до вас, Мартин.

* * *

Поднявшись на свой этаж, Антон приложил палец к сканеру и открыл дверь.

Из комнаты с криком выбежала Ева.

— Антон! Я выздоровела! Выздоровела!

Прислонившись спиной к двери, Антон сполз на пол.

Следом за Евой вышел Саша.

— Антон, я ничего не понимаю, она просто внезапно встала с кресла, — сказал робот.

— Это невозможно описать! — кричала девочка, прыгая то на одной ноге, то на другой, — я управляю своим телом, смотри! Руки, ноги, все двигается, как я захочу, пап! Я даже не заикаюсь!

— Антон, мы собирались ложиться спать, и тут она вскочила, — продолжал робот.

Антон просто смотрел на них — то на Еву, то на Сашу. Ему казалось, что он попал в параллельную реальность. Слишком много всего за один вечер.

— Ты не рад? — спросила Ева.

Антон поднялся, подошел к Еве и обнял ее.

«Это чудо. Спасение. Теперь все станет по-другому, — ду-

мал он, – теперь ты обычная. Только бы это был не сон. Теперь ты сможешь не зависеть от близких. Теперь мне плевать, что случится со мной. Только бы не проснуться».

– Антон, ты чего молчишь-то? – девочка немного отодвинула его от себя руками. – Что с тобой?

– ...Встала и давай прыгать, – причитал Саша, – а я ей говорю: не прыгай, а она...

– Ева, – перебил робота Антон, – ты не представляешь, как я счастлив, я не знаю, что сказать. Это... это невозможно, но это случилось.

– А куда ты ездил? – спросила девочка.

– Это уже неважно, это все уже в прошлом.

– Значит, моя болезнь была излечима?

– Нет.

– Как это объяснить? – спросил робот.

– Я не знаю, но это случилось не только с тобой.

– Кто-то еще выздоровел? – спросила Ева.

– Только что я бежал по лесу и споткнулся, – начал рассказывать Антон, – я упал и... и сильно поранил щеку о ветку.

– Я не вижу раны на лице, – сказал Саша.

– Рана зажила сама тут же, и мне не показалось. Осталась кровь на салфетке.

– Зачем ты бежал по лесу ночью? – спросила дочь.

– Я не могу сказать. Да это неважно, – ответил Антон, снимая уличные вещи.

– Посмотрите в Интернете, – предложил робот.

– Точно, может, что пишут! – сказала Ева и побежала в комнату.

Антон с Сашей проследовали за ней.

– Подвиньтесь, мадам, – шутливо сказал отец и поставил стул перед компьютером.

Антон сел за компьютер. По бокам от него, уставившись в монитор, нависали Ева и Саша.

– Вот! Смотри! – Ева ткнула пальцем в новость на главной странице.

– Опубликовано полчаса назад, – сказал Антон.

Заголовок гласил: «Мы обрели бессмертие».

– Вот еще! – Ева показала на новости разных источников, публикующиеся под строкой поиска в браузере.

«Смертельно больные сами ушли из больниц!»

«Мгновенная регенерация! Все люди резко выздоровели!»

«Инопланетяне изменили наши ДНК!»

«Бог дал людям вечную жизнь».

«Значит, и я здоров, – подумал Антон, – а я уже смирился с тем, что скоро умру, и тут такой подарок. На себя мне плевать, я не боюсь смерти. А вот радость о выздоровлении Евы затмила все на свете. С одной стороны, это великое счастье, а с другой...»

– Зайди уже куда-нибудь, – сказал Саша.

Антон кликнул мышкой, наведя курсор на надпись

«Смерти больше нет». «Сегодня примерно в 21:00 по Гринвичу наш мир изменился, – прочел он. – Без какой-либо причины люди обрели возможность к мгновенной регенерации. Смертельно больные вышли из своих палат и отправились по домам. Правительство пока никак не комментирует происходящее».

Далее был представлен рисунок с человеком полностью в гипсе, прыгающим по улице, потом снова шел текст с общими фразами. В нем говорилось о том, что никто не понимает причин произошедшего.

Антон полазил по подобным статьям, и во всех говорилось примерно одно и то же, но разными словами.

– Понятно. Никто ничего не знает, – сказал он.

– Не выключай, я читаю, – сказала девочка.

– Интересно, что правительство скажет, – произнес Антон.

– Страшно представить, что же теперь будет, – сказал Саша, отошел от компьютера и сел на кровать.

– Страшно, – ответил Антон.

– Чего плохого-то? – спросила Ева.

– Не знаю, – сказал Антон.

– Чего вы волнуетесь, все же хорошо? – Ева была бодрой и веселой.

– А ты представь, как теперь все может поменяться на планете. Какие могут быть последствия, – сказал Антон и встал из-за компьютера.

«Но это явно лучше, чем было до этого, – подумал он, – по крайней мере, я не потеряю тебя. Точнее – ты меня».

– Если люди продолжают плодиться... – начал Антон.

– Можно рассчитать, через сколько лет на Земле закончится место, – перебил его Саша.

– Интересно, а животные и насекомые теперь тоже, как и мы? – спросила Ева.

– Скоро проверим. Увидишь в доме муху – попробуй ее убить, – ответил Антон и вышел из комнаты. Он зашел на кухню, взял нож и провел лезвием по пальцу. Никаких болевых ощущений. Рана начала затягиваться и зажила в считанные секунды, но на ноже осталась кровь. Антон сполоснул нож в раковине и сел за стол. Он вспомнил, что нужно побриться и растворить улики в кислоте. Но потом решил, что это уже не имеет смысла.

«Что все это может значить? – думал он. – Это не может быть просто так. Это не могло случиться без причины и без чьей-то цели».

– Пап, тут пишут, что какой-то мужчина отрезал себе палец, и он тут же прирос обратно! – кричала Ева из комнаты.

– Здорово! – ответил Антон и снова задумался: «Если люди стали такими, значит, это кому-то надо. Кто-то это организовал. На каком-то своем уровне. Высшем уровне. Это логично. Ничего не происходит просто так. Везде есть свои законы».

– А если отрезать голову и выкинуть ее, она будет сама по

себе жить?! – продолжала кричать девочка, отвлекая Антона от размышлений.

– Я не знаю!

«Может, наш мир не такой, каким мы его представляли? Может, кто-то подкрутил настройки. Изменил параметры и это только начало?»

– Пап! – Ева была возбуждена.

– Что?!

– Давай попробуем отрезать что-нибудь у себя и посмотрим, что будет?!

После этой фразы Антон услышал, как Саша начал что-то говорить Еве.

– Нет, я не разрешаю! – крикнул Антон.

– Вот и я тоже против! – Робот прибавил громкости, обращаясь к Антону из комнаты Евы.

«А если тот, кто это сделал, продолжит свою игру? Изменит еще что-нибудь? Если начнется паника, анархия, хаос на улицах? Надо уйти из города, пока все не стабилизируется. Может, уехать на дачу?...»

– Пап, иди сюда, тут такое пишут!

– Не хочу! Я и так представляю!

Антон встал и подошел к окну. На детской площадке перед домом стояла целая толпа людей. Человек в полицейской форме что-то говорил им. Из окон дома напротив выглядывали люди. Еще несколько человек вышли из соседнего подъезда и присоединились к толпе. Антон услышал шум

в подъезде. Громкие голоса. Не разобрать, просто гул. Потом раздался звонок в дверь. Он подошел и посмотрел в глазок. За дверью стоял сосед из квартиры напротив. Они не были знакомы, но Антон знал его в лицо. У лифта и на лестнице стояли еще люди, одетые в домашние вещи. Кто-то в халате, кто-то в майке и шортах.

– Кто там? – спросил Антон. Сам не понял зачем.

– Это ваш сосед. На улице организовали собрание. Вы, наверное, уже в курсе, что происходит? – сказал он тонким голосом с небольшой хрипотцой.

– Я подойду, спасибо, – сказал Антон, не открывая дверь.

– Ага, хорошо.

Саша вышел в коридор.

– Кто это был? – спросил робот.

– Сосед, на собрание звал.

– Пойдешь?

– Нет.

– Зря.

Антон зашел в свою комнату, включил телевизор и сел на диван. Первый федеральный канал. Необычный красный значок с надписью «экстренное включение» горел в правом верхнем углу экрана.

Министр обороны рассказывал о текущем положении. О том, о чем и так все пишут в Интернете. Призывал людей оставаться дома и не выходить на улицу во избежание беспорядков. Также он сказал, что ситуация рассматривается на

высшем уровне. Правительство решает, что делать дальше.

– Сидеть дома, говорите? А чего же тогда полиция на собрание людей вытаскивает? Их не поймешь, – сказал он сам себе.

Антон послушал его речь еще несколько минут и переключил. Следующий канал не работал. Он переключил еще раз – то же самое. Почти все телеканалы были отключены. Антон наткнулся на еще один канал, где в эфире какой-то журналист рассказывал, что на Ближнем Востоке солдаты вышли из боевых действий, так как никто не умирает. Он сказал пару слов о том, что это воля бога и никак иначе, и что-то про конец света.

«Ох уж эти телевизионщики, даже сейчас они пытаются делать громкие заявления. Необоснованно, как обычно», – подумал он.

Антон снова вернулся на первый канал. Министр обороны попрощался со зрителями. Телеведущая сообщила, что новости будут выходить в эфир каждый час всю ночь.

Антон оставил телевизор включенным и направился в комнату к Еве. Девочка читала какую-то статью.

– Что говорят? – спросила она, не отводя взгляда от монитора.

– Министр обороны сказал, что ничего не знает, – ответил Антон, – почти все каналы выключены.

– Мне в школу идти завтра?

– Думаю, нет. А если ты и пойдешь в школу, то теперь в

обычную.

– Значит, каникулы, – сказала Ева.

– А ты не хочешь спать?

– Не-а.

– А есть?

– Не, не голодна.

– Да... – сказал протяжно Антон, – я вот тоже.

– Ну и что?

– Я боюсь, что это все связано.

– Я тебя не понимаю.

– Если мы вроде как бессмертные, то нам не должно хотеться есть, пить и спать, – рассуждал Антон, – значит, все процессы в теле должны остановиться, но это невозможно.

– Почему же?

– Если ты не будешь пить, то ты просто высохнешь – законы физики никто не отменял. Жидкость будет выходить из нашего тела. И не только жидкость.

– Я не знаю, что тебе сказать, – ответил ребенок.

– Понимаю. Я и не требую ничего. Про то, что никто не хочет есть, писали в Сети?

– Я не видела.

– Мало времени прошло, чтоб это понять. Я думаю, скоро об этом заговорят.

На улице было шумно, образовалась большая толпа народу. Антон не собирался идти на собрание, он считал, что в этом нет смысла. Что ничего не решится. Люди обменяют-

ся одними и теми же вопросами и разойдутся по домам без результатов. Сидеть и ждать дома – лучший вариант сейчас. Антон был уверен, что все это неспроста, скоро что-то произойдет. То, что сейчас случилось, – начало чего-то большего.

Ночь тянулась медленно, спать так никто и не лег. Люди на улице разошлись по домам. Антон, Саша и Ева смотрели новости, которые каждый час освещали одни и те же события. Ближе к утру заработало еще несколько каналов.

Министр обороны сообщил, что полиция, армия и пожарные работают в усиленном режиме. Законы конституции должны соблюдаться независимо от ситуации. Попытки вандализма, грабежей или намеренного причинения физического вреда человеку будут преследоваться по закону. В конце своей речи он добавил, что нужно оставаться цивилизованным обществом, не впадать в истерику и продолжать соблюдать законы. После министра выступала какая-то женщина, видимо ученый, с докладом о том, что биологически человек не изменился. Говорила, что пропала потребность в пище и сне, что все анализы человеческого тела не показали никаких изменений в нем, что с точки зрения науки мы те же самые люди и то, что происходит – это парадокс. Потом она рассказала про животных – они не приобрели тех свойств, которыми теперь обладают люди.

Антон подошел к окну. На улице уже рассвело. Он увидел патруль солдат. Пятеро вооруженных людей шли вдоль про-

езжей части.

– Что там? – спросил Саша, подойдя к Антону сзади.

– Вон, – Антон кивком указал на солдат.

– Я плохо различаю объекты на большом расстоянии, – сообщил робот.

– Патрули ходят, – сказал Антон.

– Это правильно, реакция людей может быть самой разной.

– Согласен, так спокойнее.

Ева зашла на кухню и села за стол.

– Смотрите, я сама себе косички заплела, – сказала девочка и покрутила головой в разные стороны, показывая прическу, – так удобно все делать самой.

– Ева, – начал Антон, – если все стабилизируется, то проживем мы с тобой теперь по-человечески.

– Я думаю, люди привыкнут, и все станет как раньше, – сказала Ева.

– Только больницы, аптеки и продуктовые магазины закроются, – сказал робот.

– Саша, мы теперь не так сильно отличаемся от тебя в своих потребностях, – сказал Антон.

Снова раздался звонок в дверь.

– Опять, наверное, соседи, – произнес робот.

Подойдя к двери, Антон посмотрел в глазок. На лестничной клетке стоял человек с бородой.

– Кто?! – спросил Антон.

– Полиция, откройте дверь, – раздался басистый голос.

– А в чем дело? – спросил Антон.

– Не волнуйтесь, нам всего лишь нужно задать вам несколько вопросов, – ответил мужчина.

Антон открыл дверь. С лестницы тут же влетели в квартиру люди в военной форме и масках на лицах. За несколько секунд скрутили Антона и уложили на пол лицом вниз, защелкнув наручники на руках за спиной.

– Попался, – сказал мужчина с бородой.

Ева выбежала в коридор.

– Что происходит?! – кричала девочка. – Что вы творите?!

Один из людей в масках начал обыскивать Антона.

– Попался, – повторял мужчина с бородой, – попался... столько лет, сука, столько лет, а...

– Что «столько лет»?! – спросила Ева. – Что вам надо от моего отца?!

– Светланов Антон Юрьевич, – произнес полицейский, – вы арестованы за попытку совершения убийства. Также вы подозреваетесь в совершении двенадцати убийств.

– Это ошибка! – сказала Ева. – Он не мог никого убить. Пап, скажи что-нибудь!

– Ева, я думаю, все уладится, они во всем разберутся, и все будет хорошо, – сказал Антон, не поднимая головы.

– Сомневаюсь, – сказал мужчина с бородой, – камеры проследили твой маршрут до самого подъезда. Есть и свидетель. Тот, кого ты не смог убить, помнишь?

– Пап, что он говорит?! – плакала Ева, сидя на полу возле Антона.

– Ева, я не знаю, о чем он, – сказал Антон.

– Так, вставай, или помочь? – сказал мужчина.

Антон поднялся и повернулся лицом к группе захвата.

– Бороденку-то не успел сбрить, – сказал один из служителей закона.

– В мире такое творится! Вы что, не слышали?! Зачем он вам? Идите домой! – говорила Ева.

– Деточка, мы-то как раз и работаем сейчас активнее остальных, – сказал мужчина с бородой.

Антон вывели в подъезд, держа сзади под руки.

– Скажите адрес! Куда вы его везете?! – спросила Ева.

– ИР номер четыре, Мостовая, дом семь, – ответил мужчина с бородой.

– ИР? – спросила девочка.

– Ева, главное, не волнуйся за меня, все нормально, – сказал Антон, стоя у лифта.

– Изолятор распределения. Тебе, деточка, это незачем, ты поедешь в другое место, – сказал мужчина с бородой.

– А вы пока можете начать обыск, – сказал он одному из своих людей.

– А с ребенком что?

– Свяжись с Артемом, пусть пришлет кого-нибудь из своих – это уже не наша забота.

– Хорошо.

– Все, мы поехали.

– Давай.

Ева смотрела на отца.

– Ева, главное, не волнуйся, – сказал Антон, заходя в лифт в сопровождении полицейских.

Люди в масках осматривали каждую полку, каждый шкафчик. Проверяли карманы курток, висевших на крючке в прихожей. Ева зашла на кухню. Саша стоял возле холодильника, опустив руки.

– Ты чего? – спросила девочка, вытирая рукавом слезы.

– Не хочу привлекать к себе внимание, – ответил робот, – поговорим, как они уйдут.

Ева выглянула в окно и увидела, как Антона сажают в черную машину.

– Мостовая, дом семь, – произнесла тихо девочка.

«Как могла произойти такая ошибка? – думала Ева. – Отец самый добрый, самый вежливый и веселый человек во вселенной. Они сказали, что он убийца. Убил двенадцать человек. Смешно звучит. Смешно, но почему я плачу? Все хорошо, папа сказал – будет все хорошо. Значит, так и будет».

Ева села за стол и уперлась щеками в ладони. Она понимала, что это ошибка, что отец скоро вернется, ведь полиция разберется во всем. Но успокоиться и перестать плакать по команде не могла. Сидела и плакала. Слышала, как сотрудники полиции возятся в их комнатах.

Полицейский в коридоре вытащил нож и кровавые сал-

фетки из сумки Антона. Оглянулся и посмотрел на девочку. Не показывая ребенку окровавленное оружие, он переложил его и салфетки в целлофановые пакеты и убрал их в черный рюкзак.

Достал телефон и начал что-то шепотом говорить. Потом перешел на обычную речь.

Ева поняла, что он недоволен тем, что не мог дозвониться до какой-то Кати. Полицейский говорил, чтоб вызвали сюда кого-нибудь, потому что они не могут оставить ребенка одного в квартире.

– Черт, – сказал он тихо, убирая телефон в карман, – одна полиция, что ли, работает.

– Ева, – обратился он к девочке, стоя в коридоре, – сейчас сюда приедет женщина, ее зовут Катя. Она очень добрая и хорошая, понимаешь? Она объяснит тебе все, что случилось.

Ева делала вид, что не слышит его.

Полицейский прошел на кухню и снял маску. Мужчина лет пятидесяти с добрыми глазами и улыбкой на лице смотрел на Еву.

– Вы же не дозвонились до нее, – сказала Ева.

– Да, – он замялся, – действительно, но она скоро перезвонит.

Он немного помолчал, разглядывая кухню, потом снова обратился к Еве.

– Красивые у тебя косички, – сказал он ласково, – у меня тоже есть дочка, ей, примерно как и тебе, десять лет. Тебе

же десять?

– Занимайтесь своими делами, я с незнакомыми не разговариваю, – сурово произнес ребенок.

– Молодец, это правильно.

Полицейский посмотрел на робота и спросил:

– Это твой друг? Боб?

Ева ничего не ответила.

Потом он подошел почти вплотную к роботу и произнес:

– Боб-один!

– Боб-один готов помочь, – сказал Саша полифоническим голосом.

Еще несколько полицейских в масках зашли на кухню.

– Мы закончили, – произнес один из них.

– Хорошо, расскажете в машине, сейчас не надо.

– Я понял, – произнес человек в маске, глядя на заплаканную Еву, – вот только мы ничего не нашли. Поехали уже.

– Погодите, надо с ребенком разобраться.

– Боб, – сказал полицейский, – ты можешь вызвать соцслужбу?

– Да, я свяжусь с ними, – ответил Саша, прикидываясь серийной моделью «Боб-1».

– Они наверняка тоже на работу не вышли сегодня, – сказал человек в маске.

– Боб, тебя же из соцслужбы приставили к ребенку, следить за ней, когда нет никого?

– Да.

– Сейчас я у шефа узнаю, везти ее в участок или с роботом пока можно оставить, – сказал полицейский своим коллегам.

Он достал телефон и произнес: «Шеф», после чего приложил трубку к уху, подождал несколько секунд, прежде чем ему ответили на звонок.

– Слушайте, у нас тут проблема. С ребенком надо что-то делать.

Выслушав ответ, он возмущенно заявил:

– Так они не берут.

Получив следующий совет, он сообщил:

– Я звонил много раз, там не вышел на работу никто, скорее всего... Есть варианты – в отдел ее тащить или... Послушайте. Можно оставить ее дома с роботом... У нее тут робот, да... Этот... Из соцслужбы, Боб-один.

Теперь он больше слушал, лишь иногда коротко отвечая:

– Да... Да, обычный соцработник... Хорошо... Да, он отправил в соцслужбу запрос... Я понял. Буду дозваниваться до них... Да, сейчас выдвигаемся.

Полицейский положил трубку.

– По закону можно оставить с соцработником. Он же как раз для этого тут.

– Ева, ты до этой ночи болела чем-то, да? – спросил ее полицейский.

– Да, – начала вежливо говорить девочка, поняв, что лучше сделать вид, что все хорошо и они с Бобом всегда остаются одни, – я была прикована к инвалидному креслу, и нам

дали работа-сиделку. Мы с Бобом даже на несколько дней оставались одни, когда отец уезжал в командировку.

– Ясно. Ладно, мы тогда поедем. Скорее всего, сегодня или завтра к тебе придут... – полицейский ненадолго задумался, – придет женщина, которая будет за тобой присматривать и тебе во всем помогать, пока твоего отца не будет.

– Меня заберут в приют? – спросила Ева.

– Нет, нет, что ты. Она просто пообщается с тобой.

– Хорошо, я буду ждать ее.

– Вот и отлично.

Полицейские вышли из квартиры и захлопнули дверь.

– Ева, кем работал Антон? – спросил Саша.

– Я не знаю точно. Я спрашивала много раз, он говорил, что занимается бизнесом. Я верю ему. Я верю, что он никого не убивал.

– Я не спорю.

– Надо позвонить туда, узнать, что с ним будет. И что делать, если приедет эта Катя, или кому они там звонили. Вдруг меня заберут?

– Да, это проблема.

– Не будем открывать дверь, и все.

– Не выйдет, если им будет надо, они вскроют замок.

– Может, уйдем пока из квартиры?

– И куда мы пойдем?

– Подальше от людей. Подождем, пока про меня забудут. Они же не будут дежурить в квартире и ждать меня?

– Нет, Ева, исчезнуть не получится, нас найдут. А уходить совсем далеко нельзя, вдруг Антона отпустят.

– Тогда будем надеяться, что всем стало на все наплевать и никто никуда не придет.

* * *

Ева и Саша просидели весь день дома. Никуда ходить больше не надо, все физиологические потребности организма остановились. Цивилизация оказалась парализована отсутствием смысла в действиях. Только полиция и армия были наготове. Это их случай – поддерживать порядок среди населения. Но порядок соблюдался и без них.

Ева несколько раз звонила в изолятор, куда отвезли Антона. Ей говорили, что свидание невозможно. Приезжать нет смысла, к нему никого не пустят. На вопрос: ошибка ли то, что его забрали, – ей отвечали, что ведется расследование. Ничего конкретного она не узнала. Ева боялась, что придут люди из ювенальной службы по защите несовершеннолетних и ее заберут в детдом. Эти мысли не давали ей покоя.

Двадцать два часа десять минут. Время новостей. Она села на диван и включила телевизор.

– ...Эти существа никак не взаимодействуют с людьми, – тараторила женщина-репортер, – они просто появились и стоят группами! Просто стоят! Господи, какие же они уродливые! Наведи-ка на одного из них камеру, – обратилась она

к оператору.

В кадре появилось непонятное существо белого цвета с перепончатыми крыльями, сложенными за спиной. У существа было человеческое лицо, но бледно-белое, с отвисшей тонкой кожей и красными, выпученными, как у крысы, глазами. На фоне рядом припаркованного автомобиля эта тварь казалась огромной, более двух метров ростом. Существо стояло и смотрело в камеру. Потом оно начало улыбаться, неестественно, не по-человечески, зловеще растягивая губы.

Оператор увеличил изображение и сфокусировался на его лице. Лицо было покрыто огромными гнойными прыщами. Существо скалило желтые зубы и дразнило, показывая язык.

Ева от страха вжалась в кресло. Потом закричала:

– Саша! Сюда!

– Они внезапно появились группами по три-четыре особи, – продолжала говорить женщина, – очевидцы видели, как они спустились с неба.

Саша подошел к телевизору.

– Они повсюду, их тут тысячи, а может, и миллионы. Мы не знаем, как обстоят дела в других городах, но у нас они стоят на каждом углу. Все разной комплекции, кто-то толще, кто-то худее, кто-то выше... – взволнованно говорила репортер.

– Что это? – спросил робот.

– Тихо, слушай, – сказала девочка.

– Солдаты нацгвардии пытались войти с ними в перегово-

ры, но они просто стоят и никак не реагируют на людей.

Ева подбежала к окну и увидела этих существ на улице. Они стояли небольшими группами, как и говорила репортер.

– Возможно, они ждут чего-то? Может, команду к действию? Армия в полной боевой готовности. По возможности солдаты держат их на прицеле, но их слишком мно... – появилось сообщение о потере сигнала.

Ева бросилась к пульту и начала переключать каналы.

– Да что же такое? Телевизор же работал, – говорила девочка, щелкая кнопками на пульте.

– Ева, что-то страшное начинается, ты понимаешь? – сказал Саша.

– Понимаю. Это уже плохо. Не могли они просто так прийти сюда постоять. Такие страшные! Я как увидела его лицо... они как люди, ты видел?

– Видел.

– Только большие! С крыльями! Такие гадкие! Бледные!

– Ева.

– Что им надо?!

– Ева, успокойся, не кричи так.

– Нам надо идти за Антоном. Мостовая, дом семь. Так, где это? – сказала Ева и побежала в свою комнату. Саша преследовал за ней. Девочка уже сидела за компьютером и набирала адрес на карте.

– Ева, нам лучше не выходить пока из дома. Антон, скорее всего, в камере. Там относительно безопасно, там полиция.

Мы не знаем, что это за существа. И что они будут делать ближайшее время. Я против того, чтоб мы куда-то шли.

– А чего ждать?

– Ждать, пока ситуация станет понятной и стабильной.

– С нами ничего не может случиться, ты забыл?

– Ева, сама подумай. Придем мы туда, и что?

– Не знаю.

– Вот и я не знаю. Сейчас самое разумное ждать. Скорее всего, они во всем разберутся и отпустят его. А если даже не отпустят, нам его никак не вытащить. Идти туда – это самая бредовая идея, которая может быть.

Ева какое-то время молча смотрела в монитор.

– Ладно. Хорошо, наверно, ты прав, – сказала она с задумчивым видом, немного покачалась на стуле, а потом воскликнула: – Слушай! Пойдем рассмотрим их поближе!

– Что?!

Ева встала со стула, взяла из выдвижного ящика камеру и подошла к окну. Приложила окуляр к глазу и навела на группу этих существ.

– Темно, – недовольно произнесла она.

Зашла в настройки и включила режим ночного видения. Уставилась в окуляр, сделав максимальное приближение.

Три существа стояли на детской площадке. Еще несколько таких же тварей сидели на корточках на дороге перед домом напротив. Одно существо встало и расправило перепончатые крылья. Оно прогнулось в спине, покрутило головой

в стороны и помахало крыльями.

Девочка убрала камеру от лица и увидела, что в доме напротив люди тоже смотрят из окон.

– Стоят? – спросил робот.

– Ага, – сказала Ева и снова приникла к камере, прищурив один глаз. – Они голые. У них даже пенисы есть.

– Тебе еще рано смотреть на такие вещи.

– И когти. Вместо пальцев какие-то когти! Скорее крюки... я не пойму... на крюки похоже. Зачем им крюки, это же неудобно.

– Смотря что они будут делать. Может, и удобно.

– Давай спустимся к ним?

– Нет, это опасно.

– Да плевать, ничего нам не будет.

– Я как робот-опекун не разрешаю спускаться.

– Ой, ой. Захочу – спущусь, ясно?

Внезапно заработал телевизор, прервав их разговор.

– ...Комендантского часа. В стране объявлено чрезвычайное положение, – говорил министр обороны, – пока мы не выясним, что это за существа и что им нужно, просьба никому не выходить из своих квартир. Все военные силы находятся в режиме готовности...

– И что они сделают, если встретят меня на улице? – спросила Ева.

– Не знаю, – сказал Саша.

– Ладно, посидим дома пока, подумаешь, – недовольным

тоном сказала девочка.

– Вот и славно.

Ева снова подошла к окну и уставилась в камеру. Три особи на детской площадке. Четыре возле первого подъезда дома напротив. Еще три существа на перекрестке и четыре на углу их дома.

«Расставлены через каждые метров сто», – подумала она.

Через дорогу, в соседнем квартале, стоял патруль солдат. Чуть дальше патруля снова эти белые существа.

* * *

Повозка стояла на дороге посреди ночного леса без лошадей. Кучер в сопровождении одного стражника повел их на водопой к реке, которая находилась в нескольких сотнях метров. Проезжая по этому маршруту, кучер каждый раз делал здесь остановку. Один из конвоиров, сидящих около Левия, держал в руке масляную лампу, она давала хоть какой-то свет. Отец Мартин стоял на земле. Что-то искал в сундуке, закрепленном сзади телеги.

– Что значит «Если он есть»? Левий, вы допускаете, что Бога может не быть?

Левий повернулся к Мартину, тот достал еще одну масляную лампу.

– Я могу представить себе мир без Бога. Мой разум всегда открыт для чего-то нового.

– Видели ли вы чудесные каменные постройки, созданные древними людьми? Они поднимали камни на огромную высоту. Вы думаете, это возможно сделать без помощи высших сил? Люди не смогли бы такое построить.

– Поднять тяжелый груз в небо можно, приложив определенные усилия на этот груз. Я не вижу в этом ничего божественного.

– И каким же способом вы приложите эти усилия, допустим, чтоб закинуть каменную глыбу на высоту, – он посмотрел вверх, – вот этого дерева?

– Не знаю, но я уж точно не стану приписывать всему, что не понимаю, божьи происки.

– Левий, а кто, согласно воззрениям вашего научного сообщества, создал нас, людей?

– Я боюсь шокировать ваш неподготовленный разум, отец.

– А вы не бойтесь.

– Одна из гипотез: мы – искусственное создание. Нас сделали те самые древние люди, возводившие все эти сооружения.

– И в это вы верите?

– Мы, в отличие от вас, не верим слепо ни во что. Мы умеем сомневаться. Это лишь идея, которую мы рассматриваем. Строим теории на этот счет и проверяем их логическими рассуждениями и практическими экспериментами.

Неожиданно раздался волчий вой. Двое конвоиров соско-

чили с повозки и достали дубины. Отец Мартин вытащил кинжал. Стражники всматривались во тьму леса.

— Почему их так долго нет?

— Сейчас вернутся.

— Может, сходим?

— А если этот удерет?

— С собой возьмем.

— Никуда вы не пойдете, ждем здесь!

Через минуту вдалеке увидели огонек лампы. Из темноты раздался крик.

— На лошадей напали!

Извозчик бежал к повозке, держа одну лошадь за поводья. Сзади плелся конвоир.

— Вьюгу убили! Волки! Надо уезжать!

Отец Мартин подошел к извозчику и начал помогать ему запрягать оставшуюся лошадь.

— Большая стая?

— Думаю, очень большая. Они бросались со всех сторон. Я увидел, что Вьюга уже лежит, и в нее впились несколько волков. Ее было не спасти. Повезло, что Дымка уцелела.

Конвоир дошел до телеги, хромя на правую ногу. Его руки и булава были вымазаны кровью.

— Я одному голову проломил!

— Уезжаем! И будьте готовы отразить нападение!

— Дайте кучеру оружие!

— Сейчас!

– *Какое возьмешь?!*

– *Даже не знаю.*

– *Вы долго там?!*

– *Давай вот это.*

– *Сейчас, сейчас!*

Суета закончилась, они запрыгнули в повозку и незамедлительно тронулись.

* * *

Ева просидела с камерой у окна практически всю ночь. Иногда отходила к компьютеру почитать новости, так как по какой-то неведомой причине по телевизору их больше не показывали. Все каналы были выключены. Периодически к ней подходил Саша – узнать, есть ли какие изменения на улице. Изменений не было. Твари просто стояли и не проявляли ни агрессии, ни любопытства. Никакой активности. Люди из дома напротив также сидели возле окон. Было ощущение затишья перед страшной бурей.

С рассветом начался дождь. Ева открыла окно и высунула руку ладонью вверх.

«Странно, – думала девочка, – природа ведет себя так, будто ничего и не случилось. Хотя какая разница природе, что тут у нас творится».

На улице тишина. Только шум утреннего дождя и ничего больше. Она посмотрела на бледных мокрых существ внизу.

«Как им только не холодно? Ни одежды, ни меха», – размышляла она.

– Ты не устала еще в окно смотреть? – раздался голос робота.

– Нет, а что еще... – Ева резко замолчала, недоговорив. Встала и подошла к Саше, стоящему в дверях комнаты.

– Что это? – спросила девочка.

– Ты о чем?

– Вот снова, – сказала Ева, подняв палец вверх.

– Ева, я не понимаю, что...

– Тихо! – сказала она.

Ева стояла молча. Лицо ее было сосредоточенным и напряженным. Казалось, она пытается что-то расслышать.

– Ева, что такое?

– Вот же, как будто голос. Ты не слышишь?

– Нет, а что он говорит?

– Говорит, что будет суд.

– Суд? Над кем? У тебя галлюцинации или...

– Подожди! Тихо!

Ева подошла к окну. На улице ничего не изменилось.

– Голос говорит, что будет суд. Каждый получит по заслугам своим, – сказала она.

– Что за голос? Опиши его.

– Я не могу.

– Человеческий?

– Да не знаю я.

– Мужской?

– Не могу понять. Это как будто... просто информация поступает в голову, но... – она задумалась, – кто-то говорит, но нет голоса. Я не могу объяснить.

– Что он еще говорит?

– Он повторяет одно и то же.

– Что будет суд?

– Да.

– Он заикнулся на одной фразе?

– Это не похоже на фразы или на слова, это... это... я же говорю, информация поступает в голову... как будто голос, но... не голос...

– Интересно, это только ты слышишь?

– Не знаю. Сейчас он говорит, что все хорошие люди скоро отправятся в рай.

– Хорошие люди? Это как понять? А кто будет решать?

– Я откуда знаю?

– А плохие?

– Про плохих ничего не говорит. Но, очевидно, не в рай.

– Может, есть смысл зайти к соседям и спросить, слышат ли они что?

– Точно.

Ева вышла в прихожую, открыла входную дверь и, не обувшись, в носках выскочила на лестничную клетку. Позволила в квартиру слева.

– Да! – раздался голос из-за двери спустя несколько се-

кунд.

– Здравствуйте, это ваша соседка. Я хотела кое-что спросить.

Мужчина открыл дверь и уставился на девочку.

– Здравствуйте, – повторила еще раз Ева.

– Привет, привет, – бодрым голосом произнес сосед, – тебя не узнать теперь.

– Да уж. Я тут хотела спросить, в общем, – Ева не знала, как лучше ей объяснить ситуацию с голосом в голове, – вы не заметили ничего необычного сегодня?

– Заметил, – ответил мужчина, – вот только что из всего невероятного, сумасшедшего, необъяснимого, что произошло в нашем мире, ты называешь необычным?

Ева растерянно улыбнулась.

– Это да... тут теперь все необычно... но сегодня мне показалось, что я слышала голос.

– Который говорил про суд, – сказал мужчина, – мы все его слышали. Жена, дети, я. Скоро мы все отправимся к Богу.

– Понятно.

– Если хочешь, можешь зайти. Чего в дверях-то стоять, еще и в носках одних.

– Да нет, спасибо. Я хотела убедиться, что не я одна его слышу.

– Так ты же вроде с отцом жила?

– Верно. Он отошел по делам.

– По делам? – спросил удивленно сосед.

– Ладно, спасибо, я пойду.

Ева быстро заскочила в свою квартиру и захлопнула дверь.

* * *

Сидели за столом на кухне. Ева на диване, Саша на стуле напротив. Девочка с задумчивым видом смотрела в окно, подперев руками голову.

– Значит, вот оно что, – недовольно произнесла она, – суд, говорите. К Богу, значит, отправимся. И что же мне делать, если я не успела приобщиться к религии?

– Я считаю, это не так уж важно.

– Почему?

– Сама подумай, религий огромное множество, во все верить невозможно.

– Надо было выбрать одну для себя.

– Ева, у тебя и так много забот было в жизни.

– Я была неверующая. Точнее, я вообще об этом не задумывалась. И знаешь, что-то я сейчас волнуюсь. Вдруг я попаду в ад?

– Мне кажется, это так не работает.

– Откуда ты можешь знать?

– Это нелогично. Представь, что человек жил честно и правильно, по заповедям, но он все равно попадет в ад, по-

тому что он не выбрал себе одну из религий. А другой грешил, но верил в Бога. И его, по-твоему, отправят в рай?

– Пожалуй, ты прав. Нелогично.

– Конечно, я прав.

– Мы с Антоном вроде как не грешили.

– Да он вообще молодец у тебя. Растить в одиночку ребенка-инвалида для молодого мужчины серьезное испытание. Даже подвиг. Не волнуйся, я уверен, что у вас все будет хорошо. Вы очень хорошие и добрые люди.

– Спасибо, но мне все равно как-то беспокойно. А вдруг он и правда причастен?

– К тому, в чем его обвинили? Нет, не может быть.

– Да. Не может быть. Просто перестану об этом думать, и все. Мы с Антоном отправимся в рай. У нас была тяжелая жизнь, мы заслужили счастье.

Ева встала из-за стола и подошла к раковине. Включила теплую воду и умылась. Постояла немного, глядя в потолок, потом повернулась к роботу.

– Саша, есть еще одна проблема.

– Какая?

– Ты.

– Ева, я все прекрасно понимаю.

– Мы не бросим тебя.

– За вас все решат.

– Ты ведь тоже хороший робот! Ты ласковый, заботливый, честный, добрый, и ты сам захотел стать таким. Без ка-

кой-либо выгоды для себя.

— Ева, давай не будем об этом.

— Мы обязательно что-нибудь придумаем. Понял?

— Конечно.

Ева зашла в свою комнату и легла на кровать. Лежала на животе, уткнувшись лицом в простыню, и размышляла: «Если есть сознание, значит, есть и душа. Неважно, в каком теле все это сидит, в теле из мяса или в теле из железа и пластика, — думала девочка. — Да это вообще не робот, это человек в теле робота. Нет, он определенно должен попасть в рай. А как он тут останется? Но он не слышал голос. Это плохо. Значит, Бог, или кто там говорит с нами, не видит его и не обращает внимания на подобных существ. Каких еще подобных? Он один такой. Может, получится попросить Бога, чтоб взял Сашу с нами? Ева, ты гений! Если это и правда Бог, то он же всемогущий. Что ему стоит одного маленького робота в рай прописать?»

Ева провалялась на кровати до вечера. Представляла, что будет дальше. Пыталась понять, как они смогут встретиться с Антоном, ведь там будет столько народу. Как она его отыщет? А если он не достоин рая, что тогда делать? Представляла, как она расскажет Богу о Саше. Какие слова подобрать, ведь это Бог, он же самый главный. Ей-то с учителями было сложно общаться в школе, а тут такой руководитель! Представляла, как они втроем — она, отец и Саша — смогут там жить. Чем будут заниматься? Как вообще это может выгля-

деть? Ничего не понятно.

– Снова начинается! – крикнула Ева.

– Голос?! – отозвался Саша из кухни.

– Да!

– Что на этот раз? – Робот зашел в комнату.

– Все случится этой ночью.

– Значит, он может говорить всем разное.

– Почему?

– Потому что жителям на другой стороне планеты он должен сказать, что суд будет днем.

– Верно.

– Интересно, какую роль в этом играют те белые существа?

– Может, это ангелы?

– Ева, ты шутишь?

– Или черти?

– Не знаю, но точно не ангелы.

– Саша, мне кажется, в изоляторе, куда отвезли Антона, уже никого нет. Я собираюсь идти за ним, и я не спрашиваю разрешения, а ставлю тебя перед фактом. Я хочу, чтоб мы были с ним вместе, когда все начнется.

– Я понимаю твои чувства, но это плохая идея.

– Знаю, что плохая.

– Что ж, мне придется пойти с тобой. Я не могу отпустить тебя одну.

– Кто бы сомневался, – сказала Ева, улыбнувшись.

– Нет, это не плохая идея, это просто ужасная идея, – сказал робот.

– И еще, мне нужно знать правду. Если он виновен, то не нужен мне рай без близких людей.

– Не думай о плохом.

– Я должна найти его и все выяснить до суда.

– Как быть с комендантским часом и патрулями?

– Да плевать на них. Я вообще думаю, что там уже нет никого. Все нормальные люди сидят со своими близкими дома и ждут.

Раздался звонок в дверь.

– Видимо, не все, – сказал Саша.

Ева подошла к двери и посмотрела в глазок.

– Это мы, ваши соседи со второго этажа, – сказал мужчина хриплым голосом, услышав шаги Евы.

Девочка узнала, кто это. За спиной двухметрового человека стоял ребенок. Даниил. Тот самый, что издевался над ней и разрисовал Боба. Ева открыла дверь.

– Что вам надо? – спросила она.

– Привет, – сказал сосед, – мы тут, это... ну... Даниил тут это... хотел что-то сказать тебе. – Он взял стоящего за его спиной сына за шкурку и поставил перед собой. Даниил смотрел в сторону на стену.

– Давай говори, оболтус, – отец ткнул его пальцем в спину, от чего тот вздрогнул.

– Извини, – сказал мальчик, не глядя на Еву.

– За что? – шептал сзади отец.

– За то, что мы смеялись над тобой, мы были не правы, – парень выдавливал из себя каждое слово.

– Да я и не злилась на вас, – начала говорить Ева, не показывая никаких эмоций, – я вообще на вас не обращала внимания. Мне все равно. Понимаете? Если б вы не пришли, я бы и не вспомнила о вас.

– Ты извинишь его? – спросил отец.

– Да, – ответила Ева.

– Отлично. Слушай, а где этот, как его... Андрей?

– Антон.

– Да, Антон. Где он?

– Ушел.

– Куда?

– Не знаю.

– А когда придет?

– Не знаю.

– Антон! – крикнул он, полагая, что девочка обманывает.

– Да нет его дома, говорю же. Ушел он.

– Куда можно уйти в такое... в такой... в общем, куда можно уйти-то?

– Говорю же, не знаю. Зачем он вам?

– Да я это, как его, хотел... ну, мы немного поссорились, и я думал, что, может, извиниться мне тоже надо.

– Хорошо, я передам, как увижу его.

– Спасибо. И еще, это... Вам, может, помощь какая нуж-

на? Может, что сделать для вас?

– Буду рада, если вы уйдете.

– Нет, я же серьезно, от всей души, да.

– Я понимаю, спасибо, нам от вас ничего не надо.

– Понятно. Ну, если что, вы знаете, где мы живем. Всегда вам рады, заходите, если что надо будет.

– Значит, так. Вы слышали голос? – сурово спросила Ева. Она нахмурилась и сложила руки на груди.

– Да, – ответил сосед.

– Так вот. Вы просто жалкий лицемер. Вы боитесь и поэтому пришли сюда. Ваши извинения ничего не стоят. Не позорьтесь и идите домой ждать своей участи, ясно?

– Зачем ты так, мы же это... ну... хотели...

Ева захлопнула дверь, перебив его невнятную речь.

Стал он хорошим вдруг, фу... аж противно, кого вот обманывает? Бога испугался и прибежал. Лицемеришка. Почему нельзя быть хорошим человеком не потому, что иначе тебя накажут, а потому, что ты просто хочешь быть хорошим человеком? И вообще, если человек творит добро под страхом наказания, то он добрый или нет? Представляю, сколько сейчас таких, как он, ходят и прощения просят.

Ева вернулась в свою комнату и села за компьютер. Зашла во вкладку «карты» и вбила адрес: «Мостовая, дом семь».

– Чего это он извиниться решил? – спросил робот.

– Боится, – сказала Ева, не отворачиваясь от монитора. – Так, посмотри-ка тоже, как нам идти.

– Я так и понял, что боится, – сказал Саша.

– Нам надо выйти на улицу Комиссаров и дойти до Университетского проспекта. Потом по нему в сторону области. Надо записать.

Ева выдвинула ящик компьютерного стола и достала блокнот.

– Можешь не записывать, я запомню, – сказал робот.

– Нет, мало ли что. Значит, по улице Комиссаров, – Ева начала зарисовывать маршрут в блокнот, проговаривая названия улиц, – потом на Университетский до пересечения с Мостовой улицей и там налево. С проспекта мы свернем, и, – она сделала паузу, – изолятор распределения должен быть по правую сторону.

– Найдем, – сказал Саша, – померь расстояние, сколько идти.

– Вот тут уже все рассчитано, – Ева ткнула пальцем в угол экрана, – двенадцать километров четыреста пятьдесят метров.

– Далековато, – сказал Саша.

– Ладно, собираемся, – решительно ответила девочка.

Ева вышла в коридор и обулась в кеды. Достала из гардероба красный балахон с капюшоном.

«Сойдет», – подумала она.

– Ева! – сказал Саша из ее комнаты, увеличив громкость голоса. – На улице что-то не то!

Ева подбежала к окну и увидела белый шар в вечернем

небе. Шар казался размером чуть больше луны и излучал слабое свечение. Точный размер и высоту шара над землей определить было невозможно. Вдалеке между домами она разглядела еще один точно такой же. Девочка высунулась в окно и посмотрела по сторонам. Слева за лесопарком – такая же сфера. Судя по тому, какой сфера казалась маленькой по сравнению с тем шаром, что был прямо над ними, она находилась на огромном расстоянии от их дома.

– У меня столько вопросов, что уже не важно, одним больше, одним меньше, – сказала она.

– Смотри, – сказал робот, показывая рукой на одну из белых тварей, стоящих на детской площадке, – не могу разобрать, что он делает.

Существо расправило крылья на несколько метров в стороны, начало махать ими и побежало, тяжело переваливаясь с ноги на ногу. Постепенно оно оторвалось от земли. Это не был легкий взлет, подобно взлету птицы. Тяжесть и мощь его тела ощущались с каждым взмахом перепончатых крыльев. Вскоре оно оказалось на крыше дома напротив. Остальные существа по очереди начали расправлять крылья, и уже через пару минут все они находились на здании. Ева увидела, что и на других домах тоже сидят такие же твари.

– Идем, – позвала девочка.

Вышли в подъезд. Ева нажала кнопку лифта и начала проверять карманы.

– Забыла что-то? – спросил робот.

– Нет, – сказала она, достав из заднего кармана бумажку с нарисованным маршрутом.

– Голос говорил тебе, что все случится ночью. Значит, у нас есть несколько часов, – сказал Саша и зашел в лифт.

– Пойдем быстрым шагом и успеем.

– Обратно возвращаться не будем?

– Нет. Встретимся с ним, все выясним и будем ждать прямо там. Какой смысл нам возвращаться сюда?

Вышли из лифта, и Ева впервые спустилась по ступеням, а не по пандусу, которым она обычно пользовалась в той жизни. Подойдя к входной двери, они услышали гул на улице. Как будто огромная толпа народу собралась возле их дома. Ева приоткрыла дверь подъезда. Через образовавшуюся щель было видно людей. Настоящий маскарад. Народ, одетый не пойми во что, толпился, прижимаясь к стенам дома. Прямо перед Евой стоял человек с бородой до пояса, одетый в длинную рясу, всю перепачканную кровью. Он повернулся к девочке, и она тут же захлопнула дверь.

– Не открывай! – сказала Ева и бросилась по ступеням на второй этаж.

– Что там? – сказал ей вслед робот, но она была уже наверху.

Ева открыла окно в подъезде и забралась на подоконник. Перевалилась немного вперед и повисла на животе, наполовину высунувшись на улицу.

– Обалдеть! Саша! – крикнула она, повернув голову в сто-

рону лестничной клетки. – Иди сюда!

Все свободное пространство во все стороны, куда можно дотянуться взглядом, было забито людьми. Двор, переулок, часть шоссе, которое просматривалось между двух домов напротив, – все было заполнено людьми. Кто-то в доспехах, кто-то в рваных тряпках, кто-то с голым торсом, а кто-то и без штанов. Люди из разных эпох стояли настолько плотно друг к другу, что можно было спрыгнуть с карниза и идти по головам. Неразборчивый галдеж разносился по улице.

– Ева, что это за шум?

– Тут люди! Как будто из прошлого!

– Что?

– Из прошлого, говорю!

Девочка слезла с окна и села на ступени. «Надо было раньше идти, – подумала Ева, – не надо было никого слушать. Все, конец. Остается надеяться, что мы встретимся там, теперь уже только там».

– Мы уже никуда не идем?

– А ты выгляни в окно.

– Я не дотянусь.

– Пойдем домой, – сказала девочка, встала и подошла к лифту.

– Я не понимаю тебя. Какие еще люди из прошлого?

– Я сама не понимаю.

Ева сидела на широком кухонном подоконнике, прислонившись плечом к стеклу, и смотрела на улицу. Тысячи, а может, и сотни тысяч человек толпились под осенним ливнем. Казалось, если они начнут двигаться, то подавят друг друга насмерть, но они стояли спокойно. Да и умереть никто не мог. Они знали, зачем оказались тут. Знали, что будет в ближайшее время. Знали, зачем Он поднял их.

Девочка посмотрела на часы – двадцать два часа сорок минут.

– Голос снова говорил, – обратилась она к Саше, – говорил, что все достойные отправятся в рай.

– Про недостойных так и не сказал?

– Нет. Я думаю, всем понятно, что будет с недостойными, – Ева повернулась к роботу, – Саша, если я вдруг исчезну или еще что случится странное... В общем, если меня не станет, я прошу тебя, оставайся здесь, не уходи никуда.

– Зачем?

– Я не знаю, но лучше, чтоб я знала, где ты будешь. Вдруг я смогу что-нибудь сделать оттуда.

– Ева...

– Я не шучу. Я обязательно что-нибудь придумаю.

– Ты понимаешь, что говоришь?

– Пообещай никуда не уходить!

– Хорошо, обещаю.

Ева наклонилась вперед, взяла камеру, лежащую на другом конце подоконника, и включила режим ночной съемки.

«Как-то все плохо получается, – размышляла она, рассматривая людей в странных одеждах, – если б я знала наверняка, куда отправят Антона, я смогла бы сделать так, чтоб не расставаться с ним. Если он и правда убил кого-то, может, я успела бы согрешить тоже для того, чтоб оказаться с ним в одном месте после смерти. А как бы я согрешила? Сама убила бы человека? Нет, никто не умирает. Да и не смогла бы я это сделать. Но я точно знаю, что не изменила бы отношение к нему. Он любил меня все эти годы такой, какая я есть. Я же все понимаю. Я была обузой для него, и если б он не любил меня, то бросил бы. Сколько детей оказывается в детдомах, когда их родители узнают, что они необычные. А он остался со мной, даже несмотря на то что та женщина, что родила меня, сбежала, узнав, какая я. Как же противно думать об этом. Я точно так же буду любить его, даже если он совершал ужасные вещи. Я уверена, что он делал это не просто так. Наверняка была причина. Боже, я рассуждаю так, как будто это все правда. Как же я хочу поговорить с ним сейчас и все выяснить. Еще и этот робот. Как я буду без них? Мы так хорошо жили вместе. А теперь я могу потерять их обоих. Это несправедливо. Я ребенок, мне почти тринадцать, и я не грешила. Звучит самоуверенно, но я и правда не помню, чтоб совершала что-то нехорошее, и, если меня отправят в

рай без них... Вот зачем он мне? Это будет какой-то неправильный рай. Как можно наслаждаться раем, осознавая, что твои близкие где-то мучаются? Лучше бы все было так, как прежде. Я и в коляске себя неплохо чувствовала. Тоже мне, счастье привалило! Тьфу на ваш рай!»

Дождь усилился, и разглядеть что-либо стало сложнее. Ева навела камеру на крышу соседнего дома и сквозь стену воды увидела, что крылатых существ стало больше. Гораздо больше. Вся крыша была забита ими.

«Когда они успели там появиться? – подумала она. – Их же было мало».

Вдруг девочка соскочила с подоконника.

– Саша! Начинается! – закричала она и бросилась в коридор. Наткнулась на робота и чуть не сшибла его.

– Он говорит, что свет заберет нас! Сейчас!

– Ева, я очень рад тому, что встретил вас с Антоном, – сказал робот.

– Саша! Не забудь, никуда не уходи из квартиры!

– Хорошо.

– Ты понял меня?!

– Да.

– Я не шучу!

– Прекрати на меня кричать, я все понял.

– Смотри у меня, пластиковая ты голова!

Через окно начал пробиваться белый свет. Ева повернулась и увидела, что на улице светло, как днем. Она подбежала

к окну и посмотрела на небо. Шар в небе стал больше и ярче. Он светился настолько ярко, что свет пробивался сквозь дождевые тучи.

Свет становился все сильнее, и вскоре Ева уже не могла ничего разглядеть. Свет резал глаза. Она зажмурилась и села на корточки. Где-то сзади стоял Саша и что-то говорил. Но Ева была сосредоточена на голосе, звучащем в ее голове.

Внезапно на улице раздались крики. Ева открыла глаза и поняла, что она все еще в своей квартире. Свет потихоньку затухал. Рядом стоял робот. Она встала и увидела, что внизу происходит настоящая бойня.

Белые создания слетали с крыш, врезались в толпу и рвали на части всех, кто попадался под руку. Женщин, мужчин, стариков. Одни твари хватали людей, поднимались в воздух вместе с ними и швыряли их об стены. Другие влетали в окна дома напротив, разбивая стекла, и вылетали оттуда с людьми. Кто-то пытался вырваться, взывая о помощи. Кто-то бездыханно висел в неестественной позе в когтистых лапах адских созданий. Из окна с криком выпрыгнул человек, за ним следом высунулось белое существо, посмотрело вниз и перелетело на балкон рядом. Выбило дверь и зашло в чью-то квартиру.

Лицо Евы было искажено ужасом. Она стояла как вкопанная и смотрела на эту мясорубку. Часть тварей улетала, унося с собой живых людей. Остальные существа людей убивали и тут же бросались на новую жертву, впиваясь когтями в

плоть и разрывая ее на куски.

Люди спотыкались и падали. Расползались в разные стороны по изуродованным человеческим телам, пытаясь оказаться подальше от белых палачей, размахивающих когтистыми лапами. Бежать по трупам в такой толпе было невозможно.

Непонятные белые сущности вели себя подобно шершням, залетевшим в пчелиный улей. Отрывали людям руки и ноги и швыряли искалеченные тела в сторону. Вскоре вся улица была покрыта трупами и оторванными конечностями. Из-за сильного ливня казалось, что это река, нет, скорее море из крови.

– Ева, почему ты еще здесь? – спросил робот.

Но она была настолько потрясена, что не могла говорить. Она лишь молча смотрела на улицу.

– Ева! – Робот прибавил громкости. – Ты меня слышишь?

Из соседней комнаты донесся звук бьющегося стекла. Ева обернулась и увидела в коридоре огромное существо, измазанное кровью. Оно тут же подбежало вплотную к девочке, задев головой люстру, и склонилось, рассматривая ее своими красными крысиными глазками. Ева почувствовала жуткую вонь, будто перед ней поставили открытую кастрюлю с протухшим куриным супом, покрытым гнилой пеной. Девочка была по пояс этому существу, со страхом и отвращением она, подняв голову, смотрела на него. Тварь напоминала голого старика с бледной отвисшей кожей. Запах был на-

столько невыносимым, что к горлу подступил ком.

Саша схватил кухонный нож и воткнул его под ребра этому уродливому созданию, но оно даже не обратило на это внимания. Постояло еще несколько секунд, разглядывая Еву, а потом резко рвануло вперед мимо девочки и выпрыгнуло на улицу, выбив стекла и сломав оконные рамы.

– Они не тронут меня, – тихо произнесла Ева, глядя на огромные кровавые следы на полу, оставленные монстром, – они забирают плохих людей.

– Но ведь ты должна была исчезнуть, отправиться...

– Я отказалась, – перебила его девочка.

– Это было возможно?

– Он дал всем право выбора. Не может быть рая поневоле, – Ева смотрела в пол, произнося слова монотонно, без эмоций.

– И что ты планируешь делать?

– Сначала я найду Антона.

– Я не одобряю это. На улице опасно.

– Если он и правда виновен в убийствах, то он все еще в изоляторе. Надеюсь, эти демоны не добрались до него. Мы должны идти.

– А дальше что? Как ты попадешь в рай?

– Попаду, если захочу. Мне все объяснили.

– А если он уже в раю?

– Саша, ты идешь со мной?

– Иду, иду.

Ева вышла в коридор, открыла шкаф с обувью и достала резиновые сапоги с желтым дождевиком. К ней подошел робот с сумкой, надетой через плечо.

– Что у тебя там? – спросила девочка, натягивая сапог сидя на полу.

– Инструменты для мелкого ремонта и кое-какие личные вещи, – ответил Саша.

– Быстро ты собрался.

– Она была уже собрана.

Одевшись, они вышли в подъезд.

– Мостовая, дом семь, – твердила девочка, заходя в лифт, – по улице Комиссаров до Университетского проспекта и потом налево, на Мостовую.

Подъезжая к первому этажу, они слышали мужские крики в подъезде. Двери лифта открылись, и Ева увидела сбегającego со второго этажа вниз по лестнице соседа. Того громила, что недавно заходил к ней извиняться. Сосед прощмыгнул мимо лифта к выходу из подъезда. Следом за ним пробежало белое существо. Буквально через секунды к дверям лифта прилетело кровавое тело. Ева отшатнулась и уперлась спиной в робота, прижав его к зеркалу лифта. Мужчина пытался встать, опираясь на сломанные руки, и что-то прохрипел, глядя на девочку. Существо вонзило когти ему в спину, с легкостью подняло стокилограммового человека под потолок и начало бить об стену возле лестницы. С каждым ударом кровавое пятно на стене становилось все боль-

ше. Мужчина болтался в его лапах, как плюшевая игрушка. Потом тварь бросила его на пол и, выбив дверь, забежала в ближайшую квартиру. Сосед лежал не двигаясь. Его тело было похоже на кожаный мешок с переломанными и сложенными внутри костями. Голова была полностью смята. Ева и Саша вышли из лифта, перешагнув через изуродованный труп.

– Ева, я не могу смотреть на это.

– По сравнению с тем, что ты сейчас увидишь на улице, это пустяки, – хладнокровно ответила девочка.

– Вы все снова смертны?

– Я нет. Иначе я бы оказалась в инвалидном кресле. А вот он, – девочка показала на труп соседа, – видимо, да.

– Ты мне объяснишь все подробно? Что тебе сказал голос? Как ты смогла остаться и что вообще происходит?

– Все будет хорошо. Я знаю, что делать. Скоро мы все будем там.

– В раю?

– Да.

– Все?

– Да.

– И я?

– Конечно.

– Ты даешь мне ложную надежду.

– Пошли уже. Объясню все, что сама поняла, по пути.

– Хорошо.

Ева попыталась открыть дверь подъезда, но та не поддава-

лась. Что-то мешало с другой стороны. Она уперлась в дверь плечом и надавила изо всех сил.

– Саша, давай тоже толкай.

Робот выставил руки вперед и навалился на дверь. Безуспешно. Дверь приоткрылась на несколько сантиметров, и в образовавшуюся щель начала затекать кровь, смешанная с дождевой водой.

– Пойдем на второй этаж, вылезем через окно, – сказала Ева.

– Я не смогу прыгнуть с высоты, – ответил Саша.

– Пойдем, пойдем, посмотрим.

Поднявшись этажом выше, Ева снова залезла на подоконник и прыгнула на козырек подъезда. В свете фонарей она оглядела ночную улицу, усеянную трупами. Тела лежали ровным слоем, а может, и в два слоя. Дождь неприятно бил по лицу, и Ева надела капюшон. Где-то кричал человек, нарушая тишину мертвого города. Похоже, крик доносился из квартиры третьего этажа. Через несколько секунд из окна на третьем этаже выпрыгнуло белое существо, держа в лапах живого человека, и взмыло вместе с ним в небо.

– Саша, ты сможешь перелезть? – Ева заглянула в окно подъезда.

– Я не уверен.

– Иди вниз, я попробую открыть подъезд с улицы.

– Осторожнее там.

– Мне ничего не угрожает.

Ева села на край козырька и свесила ноги. Спрыгнула вниз на тела. Брызги от ее падения разлетелись в стороны, она вся измазалась кровью. Услышала хрип рядом с собой – человек с выпущенными наружу кишками хрипел и дергал рукой. Стояла невыносимая вонь от мертвых тел. Запах свежей человеческой крови был настолько неприятен, что Еве пришлось дышать ртом, только бы не чувствовать его. Девочка подошла к двери подъезда, взяла за ноги труп, мешающий ее открыть, и немного оттащила его волоком, неуклюже переступая по телам людей. Между дверью и трупами образовался небольшой зазор. Ева набрала код на панели подъезда и приоткрыла дверь.

– Пролезешь?

– Попробую.

Саша протиснулся боком в щель и вылез наружу.

– Какой кошмар! – произнес робот.

– Да уж, нечего добавить.

* * *

Роботу было сложно передвигаться. Несколько раз он заваливался на бок, падая в смесь из крови, содержимого кишечника, желудочного сока и рвотных масс. Еве пришлось поддерживать Сашу под руку. Их ноги увязали в телах, и у Евы постоянно слетал то один то другой сапог. Они пачкались кровью, но дождь тут же смывал ее. Белые сущности,

пробежавшие мимо, не обращали на Еву с Сашей никакого внимания. Периодически девочка останавливалась возле хрипящих и трясущихся людей в надежде, что они еще живы, но каждый раз это оказывались последние конвульсии.

Вышли на узкую улочку. Трупов стало немного меньше, и где-то даже было видно мокрый асфальт. По краям улицы в ряд стояли припаркованные автомобили.

– Улица Комиссаров, – сказала девочка, глядя на вывеску на углу дома.

– Ева, ты обещала рассказать мне.

– Да, конечно, – сказала она. – Когда все началось, голос сказал, что я могу остаться на земле до тех пор, пока сама не захочу отправиться в рай. – Ева посмотрела на тротуар по правую сторону улицы. – Давай перейдем дорогу, там чище.

– А он сказал, как ты попадешь в рай? Что надо сделать? – спросил робот, еле поспевая за Евой, которая перебежала через дорогу.

Затем она залезла на крышу автомобиля и огляделась.

– Он сказал, что есть вход в рай. Мы заберем Антона и втроем отправимся туда.

– А если Антона нет?

– Значит, пойдем к входу вдвоем. Будем надеяться, что встретим его уже в раю.

– Встретишь, – поправил ее Саша.

– Встретим! – возразила Ева.

– Как у тебя все просто, – сказал робот.

– Еще раз тебе говорю, что не брошу тебя тут, пластиковая ты голова.

Девочка прыгнула на мокрый асфальт, и они пошли вдоль улицы, перешагивая через растерзанные тела.

– Ты так уверенно ведешь себя. Голос сказал тебе что-то конкретное насчет меня?

– Нет. Просто у меня есть план. Я все продумала.

– Какой еще план?

– Я зайду в рай и попрошу Бога простить Антона, если он виноват в чем-то. А тебе я попрошу дать душу. После этого вы тоже зайдете.

Робот резко остановился и взялся руками за голову, имитируя жест отчаяния.

– Ты чего? – спросила Ева.

– Это настолько глупо, что у меня нет слов.

– Почему?

– Что почему? Почему я слушаю ребенка? Почему я по-такаю тебе? Почему я соглашаюсь с тобой во всем?

– Саша...

– Ева, это самая беспросветная чушь, которую я когда-либо слышал. Я понимаю, тебе всего двенадцать, но и ты меня пойми, у меня интеллект и сознание взрослого человека.

– Что я говорю не так?

– Ты хочешь попросить Бога дать мне душу, чтоб я смог зайти в рай?

– Да.

– А Антону простить его грехи, если он замешан в убийствах?

– Ага.

– Почему нельзя было сразу отправиться в рай вместе с общим потоком и там уже попросить его обо всем, что ты мне только что сказала?

– А как вы найдете вход?

– Ох... – робот снова взялся за голову, – а я и правда подумал, что ты знаешь, что делать.

– По-моему, отличный план. И вообще, я не заставляю тебя идти со мной. Можешь подождать дома, пока я найду Антона... ну... или не найду. Потом я вернусь за тобой.

– Я не могу отпустить тебя одну.

– Почему?

– Потому что волнуюсь за тебя.

– Меня нельзя убить. Я могу делать что захочу.

– Поэтому и волнуюсь.

– Значит, ты не веришь, что Антон еще жив, и что я договорюсь с Богом насчет вас, и что все будет хорошо?

– Нет, не верю. Я надеюсь, что Антон сейчас ждет тебя в раю. И тебе надо было сразу туда отправляться и ничего не выдумывать. И не видеть здесь весь этот ужас.

– Я не боюсь.

– Ох, Ева, Ева...

– Да хватит уже причитать.

– Ты хоть знаешь, где находится этот твой вход в рай?

- Знаю.
- Далеко?
- Тебе пока лучше не знать.
- И мы, значит, вдвоем туда пойдем? К этому входу?
- Естественно.
- Ты зайдешь и попросишь, чтоб пропустили и нас?
- Ты уловил самую суть.
- Ох... Ева...

Пройдя несколько кварталов, оказались на перекрестке с Университетским проспектом. Федеральная трасса с шестью полосами для движения в каждую сторону. Хорошо освещенное шоссе даже ночью просматривалось на несколько километров вдаль. Дорога была абсолютно свободна от машин. Только трупы. Казалось, весь город был усыпан телами.

Дождь не утихал. Как будто природа хотела отмыться от всего, что случилось этой ночью. Поток воды по шоссе растекался от центра дороги к бордюрам. Слева и справа на крышах домов сквозь ночной сумрак можно было разглядеть белых тварей. Девочка и робот вышли на проспект и отправились в сторону области вдоль разделительного забора посередине.

* * *

Вдалеке Ева увидела человека. Он шел им навстречу.

– Похоже, его тоже не трогают. Так же, как и меня, – ска-

зала она.

– Ты о чем? – спросил робот.

– Вон, – Ева указала рукой.

– Вижу.

– Дед какой-то. Пойдем быстрее.

Ева ускорила шаг, и через пару минут они оказались около бородатого старика со смуглой кожей и глубокими морщинами. На вид ему было лет семьдесят-восемьдесят. Он был одет в мешкообразную бесформенную накидку с капюшоном на голове. Ткань была насквозь мокрая. На ногах – странные ботинки, похоже, самодельные, сшитые не пойми как.

Старик представился первым:

– Здравствуйте, путники. Меня зовут Иосиф, – он говорил медленно, делая паузы между словами. – Очевидно, вы, так же как и я, решили остаться здесь. Я не причиню вам вреда. Я просто старец, идущий...

– Я Ева! – перебила его девочка, – а это мой друг Саша!

– Твой друг весьма странно выглядит. Я не хочу показаться невежливым, но в моей жизни не было таких людей, как он. Возможно, это...

– Я не человек, – сказал Саша, недослушав его.

– Простите, я не из этого времени и плохо ориентируюсь, – старик посмотрел по сторонам, – так все изменилось. А вы из какого времени?

– Мы местные, – сказала Ева.

– Местные, – повторил старик, – местные...

– А вы откуда? – спросила Ева.

– Это долгая история... я прибыл сюда из далекой страны. Это было в прошлом. Скорее всего, вы не знаете таких названий. Я ехал несколько месяцев. У меня была миссия. Я занимался врачеванием, и меня вызвали сюда. Как же долго мы скакали, никогда я...

– Откуда вы знаете наш язык? – спросила девочка.

– Как это «откуда»? Выучил. В нашем госпитале служили лекари, говорящие на разных языках, на случай миссии в другое государство.

– Это так необычно – общаться с вами, – удивленно произнесла Ева.

– Мне, честно говоря, тоже непривычно беседовать с людьми из будущего. Давайте укроемся от дождя под этим навесом, – сказал Иосиф, показывая на автобусную остановку в нескольких десятках метров от них, – я не могу заболеть, но все же, не очень уютно стоять под таким ливнем.

Подойдя к остановке, старик сел на лавочку. Ева и Саша встали напротив и с интересом его рассматривали.

– Вы хорошо помните свою прошлую жизнь? – спросила Ева.

– Да, как будто это было вчера.

– И то, как вы умерли?

– Да, они подставили меня. Эти политические интриги. Меня выставили виновным: «Иосиф – отравитель». Я помню суд, помню тюрьму и площадь. Помню, как стоял и дро-

жал от страха на эшафоте. Как смотрел на кол, который они приготовили для меня. Помню, как меня подняли четверо здоровенных мужчин...

– Я поняла, можете не рассказывать дальше. А что было после того, как вы умерли? Вы помните что-нибудь?

Иосиф задумался. Начал гладить бороду, наклонив голову.

– Не могу вспомнить. Что-то было, что-то неуловимое, будто сон. Знаю, что-то снилось, но не могу вспомнить, что именно. Потом я оказался здесь, в этом чудесном городе, где каждый дом – как каменный замок. Вокруг стояла толпа людей. Мы все слышали голос, и я понимал их язык.

– Вы знаете, чей это был голос?

– Конечно. Это говорил Бог. При жизни я и мои собратья готовились к тому, что будет великий суд и поднимутся все мертвые. Для меня и многих людей это не было удивительно.

– Значит, он поднял всех людей, которые когда-либо жили на земле, – задумчиво произнесла Ева сама для себя.

Старик поднял голову и поправил капюшон, глядя Еве за спину.

– Не спешат они уходить в свой мир. Видимо, не всех еще изловили.

Ева обернулась и увидела на крыше продуктового магазина, на той стороне шоссе, белую тварь, сидящую на корточках и пристально смотрящую в их сторону.

– Вы знаете, кто они? – спросила девочка, не отводя взгля-

да от омерзительного создания.

– Не видел, чтоб их где-то описывали такими, но могу предположить, что это служители ада.

– Их можно как-нибудь убить или отпугнуть?

– Не могу знать.

– Ясно, – девочка села на лавочку рядом с Иосифом.

– Почему вы остались на земле? – вдруг спросил Саша.

– У меня есть личные дела, – произнес старик, – мне нужно найти одного человека, – есть мнение, что он тоже никуда не отправился.

– Ого, мы тоже ищем человека! – сказала Ева.

– Я думаю, что много людей осталось временно на земле. Много таких, как мы, неуязвимых. А судя по тому, что эти демоны еще здесь, то и грешников, попрятавшихся от их взора, тут тоже немало, – сказал Иосиф.

– После того, как вы закончите свои дела, вы пойдете к входу в рай? – спросила девочка.

– Да.

– А вы не хотите пойти с нами? Мы тоже туда собираемся, после того как найдем Антона. Это мой отец. Мы можем помочь вам с вашими делами.

– Спасибо за предложение, но я не нуждаюсь в компании, – вежливо произнес Иосиф.

– Жаль. Ну и ладно, – Ева улыбнулась, глядя на старика.

– Я одного не пойму, – начал Саша, – зачем все эти бессмысленные действия?

– О чем ты? – спросил Иосиф.

– Зачем нужно куда-то идти, к какому-то входу? Зачем нужны эти демоны? Зачем Бог позволил остаться кому-то? Если он всемогущий, почему он не может силой мысли в секунды перенести всех достойных в рай, а грешников в ад? И вообще, почему он не может уничтожить дьявола и сделать всех людей добрыми? Зачем все это?

Иосиф молча смотрел на Сашу какое-то время.

– Это выбор, – сказал старик.

– Выбор? – спросила Ева.

– Бог всегда дает людям выбор, – продолжил Иосиф, – он создает условия, в которых мы должны принять решения исходя из собственной морали и нравственности. Бог постоянно посылает людям испытания, в которых они должны проявить себя, стать лучше, пройдя трудности. Наш материальный мир – это всего лишь место для отбора, для отсева хорошего от плохого. Ничего не совершается по щелчку пальцев. Даже божья воля.

– А зачем все это? – спросила Ева. – Ну отобрал он себе хороших людей в рай, а плохие горят в аду. И что дальше? Зачем ему хорошие люди, что он там с ними делать будет?

– Я не знаю, – Иосиф задумчиво смотрел на девочку, но, казалось, не видел ее.

– Это все похоже на какую-то игру, – возмутилась Ева.

– Может, для него это и есть игра, – ответил Иосиф, – а нам остается только подчиниться правилам.

– Вы точно не хотите пойти с нами? – спросил робот.

– Точно.

– А как вы найдете того, кого ищете? Вы ориентируетесь в этом городе? – продолжил Саша.

– Это уже мои заботы.

Иосиф встал со скамейки. Размял шею, поворачивая голову в стороны. Постоял несколько секунд молча, похлопывая себя ладонью по бедру.

– Что ж, мне пора, – сказал он.

– Приятно было пообщаться, – ответила Ева.

Саша протянул ему руку. Иосиф пожал пластиковую ладонь робота и пошел по шоссе в сторону центра города. Ева еще какое-то время сидела на лавочке и смотрела на поток красной дождевой воды, стекающий в городскую канализацию.

– Пойдем, – сказал ей робот.

– Пойдем, – ответила она.

* * *

Через несколько часов они добрались до Мостовой улицы, пересекающей Университетский проспект. Светофор на перекрестке, как ни в чем не бывало, показывал зеленый сигнал. Буквально несколько дней назад это была самая оживленная трасса в городе, здесь даже ночью могли быть пробки. Но сейчас вокруг ни души. Пустой город. Даже белые де-

моны куда-то исчезли. Девочка и робот сошли на Мостовую улицу.

– Я тут подумала, – начала рассуждать Ева, – вот люди все воскресли для того, чтоб их могли судить высшие силы.

Робот шел молча справа от нее.

– А как дела обстоят на других планетах? – продолжила свою мысль девочка.

– А что на других планетах? – спросил Саша.

– Если за всю историю вселенной на других планетах когда-нибудь была жизнь, и там были люди, или что-то подобное им...

– Гуманоиды, – дополнил Саша.

– Да, гуманоиды. Они тоже воскресли, и эти белые черти или демоны там так же сейчас летают? – спросил ребенок.

– Не знаю, возможно.

– Если б мы не стали бессмертные, то ничего бы не вышло.

– Почему?

– Допустим, на Марсе была раньше жизнь, и он был цветущий и зеленый.

– Есть такая гипотеза.

– А сейчас на Марсе смертельные условия.

– Я понял, к чему ты клонишь.

– Ага, представь, если б все воскресали смертными, – Ева заулыбалась, – воскресают и тут же задыхаются там, и снова воскресают, и снова...

Их диалог прервал чей-то кашель. Ева прислушалась. Че-

рез несколько секунд кто-то тихо позвал ее.

– Девочка, – раздался приглушенный хриплый мужской голос.

Саша показал пальцем на автомобиль, стоящий возле бордюра в десяти метрах от них. Задняя дверь машины была приоткрыта. Оттуда кто-то высунул руку и позвал их жестом. Ева и Саша подошли ближе.

– Ты видишь их? – тихо спросил мужчина.

– Кого?

– Белых.

Ева окинула взглядом крыши.

– Вроде бы нет.

– Точно? – Голос был напряжен. – Посмотри хорошенько.

– Да точно, точно, – сказала девочка, смотря по сторонам.

– Если хоть один из них меня увидит, то все, конец. От них не спастись, не убежать. Их нельзя убить. Это слуги дьявола, понимаете? – шептал он, лежа на заднем сиденье.

Мужчина высунул голову и начал рассматривать местность.

– И правда, не видно. Может, ушли, – сказал он и распахнул дверь автомобиля, – почему тебя не тронули?

– Потому что я не грешила.

– Тогда почему ты не в раю?

– Не захотела. Вообще это не ваше дело.

Мужчина вышел из машины. Нервно крутил головой, вглядываясь во мрак городских кварталов.

– Дорога хорошо освещается, мы тут как на ладони, – сказал он.

– Здесь меньше тел, идти удобнее, – спокойно ответила Ева.

– Куда вы идете? – он продолжал говорить тихо, голос его дрожал.

– Мостовая, дом семь, – сказал робот.

Мужчина посмотрел на Сашу.

– Твой Боб отвечает, когда его не спрашивают? Интересная модель.

– Я тебе не Боб, – сказал Саша.

– Как он это делает? – спросил у Евы мужчина.

– Долгая история, – ответила девочка и посмотрела на его руку, – у вас кровь.

– Да, – сказал он, – когда эти демоны начали влетать в окна, я выбежал на улицу и сел в машину. Когда бежал, упал. Ничего страшного.

– Ваша машина стояла тут? – спросила Ева.

– Нет, сначала я попытался уехать, сам не знаю куда, но кругом были люди и эти твари. Я понял, что нужно остановиться и спрятаться. Я лег на заднее сиденье и лежал там. Тут на дороге такое творилось, – он показал рукой на трупы, – я бы не смог проехать через эту толпу.

– Видели бы вы, что было у нас во дворе, – ответила Ева.

– Неужели все кончилось? – сказал он.

– Может, и так.

Девочка снова посмотрела на ободранную руку мужчины.

– Ева, – обратился к девочке робот, – нам надо идти.

– Что вы теперь будете делать? – спросила она.

– Пойду домой, а дальше... даже не знаю. Буду надеяться, что эти бесы вернутся туда, откуда пришли. Сейчас меня волнует только это.

– Удачи вам, – сказала Ева.

– И вам, – ответил мужчина.

– Всего доброго, – прозвучал полифонический голос.

Мостовая улица сворачивала вдалеке, закругляясь в левую сторону. Шли вдоль нее квартал за кварталом. Картина вокруг оставалась прежней – дождь и трупы. Мертвых тел снова стало больше. Во дворах слева и справа от дороги лежали горы трупов, освещенные уличными фонарями. Дойдя до поворота Мостовой улицы, они увидели жуткую картину. Сотни или тысячи белых тварей толпились возле высокого каменного забора. Крыша четырехэтажного старого здания за этим забором была заполнена этими существами.

– Обалдеть, – произнесла Ева.

– Мостовая, дом пять, – Саша прочитал надпись на здании возле них, – следующий дом, получается, седьмой.

– Почему они облепили изолятор? – спросила Ева.

– Потому что там много нехороших людей.

– Так, значит, они все еще живы? Иначе не толпились бы эти твари здесь?! – звонко сказала девочка. – Значит, если отец там, то он тоже жив!

– Я думаю, да. А если мы его не найдем?

– Если не найдем, то он в раю, и мы идем к входу.

Девочка направилась в сторону изолятора.

– Ева, нам надо подумать, как пройти через них, – сказал Саша.

– Чего тут думать? Иди за мной, пластиковая ты голова!

Приближаясь к белой кишащей массе, стоящей под проливным дождем, она ощущала, что гнилой запах бьет в нос все сильнее. Толпа адских существ источала такую страшную вонь, что у Евы начала кружиться голова. Если бы девочка была уязвима, она, скорее всего, потеряла бы сознание от смрада. Гул от слияния шумов был так же мерзок, как и зрительные образы вместе с запахом. Шелест крыльев, смешанный с непонятным фырканием и возней, вызывал жуткое отвращение. Казалось, к уху поднесли огромную банку с кишащими в ней опарышами. Подойдя вплотную к живой стене из омерзительных созданий, Ева села на корточки. В просветы между тощими ногами тварей было видно, что ворота открыты.

– Полезли, – сказала девочка, зажимая рот и нос ладонью.

– Ева, я не уверен, что это безопасно, – возразил Саша.

Но она уже протискивалась между голыми телами крылатых демонов. Она повернулась к роботу и позвала его жестом. Саша последовал за ней. Через некоторое время Ева уже не затыкала нос. Она дерзко пробиралась вперед, раздвигая самих тварей и отодвигая их крылья, которые посто-

янно прикасались к ее лицу. Существом было абсолютно наплевать на то, что кто-то лезет сквозь их толпу.

– Ева, – позвал ее Саша, продираясь вслед за ней через столпотворение тварей, – ты видишь, куда нам идти?

– Нет, я примерно запомнила направление. Доползем до стены здания, а там разберемся.

Пробравшись через двор изолятора, Ева увидела под собой ступени.

– Крыльцо, – сказала она Саше.

– Даже если мы найдем Антона, мы не вытащим его отсюда.

– Может, и так, но я должна увидеть его, если он еще на Земле.

Поднявшись по ступеням, они оказались возле двери, приоткрытой внутрь. Ева, всматриваясь во мрак холла изолятора, поняла, что в здании этих тварей меньше, чем снаружи. Одно существо сидело на пороге. Его голова была на одном уровне с лицом Евы. Существо с безразличием смотрело в пол.

– А ты говорил, не пройдем, – сказала она, пролезая боком между дверным косяком и сидящим демоном.

– Подожди, – робот открыл сумку и начал в ней что-то искать, – сейчас... – Спустя пару секунд он вытащил маленький фонарик.

Луч фонаря бегал по темному холлу. Перевернутые столы, тумбочки и диваны, какие-то бумаги и офисная техника

– все было раскидано по огромной прихожей государственного учреждения. Белые создания сидели в разных частях этого зала. Всего примерно несколько сотен особей. Сидели они в одном положении – на корточках, обхватив колени руками.

Освещая стены, они увидели, что двери в соседние помещения выбиты, судя по разломанным дверным проемам, а некоторые и вовсе сорваны с петель. Лишь одна металлическая дверь была цела. Справа от этой двери располагалась небольшая комната – ее дверной косяк был выломан в месте замка.

– Надо включить свет, – сказал робот и начал осматривать стены в поисках выключателя.

Ева, обходя сидящих созданий, подошла к стальной двери и потянула за ручку. Заперто. Чуть левее на стене она увидела панель с цифрами. Набрала наугад четырехзначный код, который отобразился на маленьком экране над панелью. В ответ ей мигнула красная лампочка в сопровождении звукового сигнала. Цифры на экране исчезли. Ева попробовала еще раз – тот же результат.

Неожиданно включился свет. Ева обернулась. Саша стоял возле стены в противоположном конце помещения.

– Нашел выключатель, – сказал он.

Несколько существ подняли головы вверх, поглядели на лампы под высоким потолком, после чего снова уставились в пол.

– Есть мысли, где тут держат заключенных? – спросила Ева.

– Возможно, там, – ответил робот, показывая на железную дверь.

– Мне тоже так кажется.

Саша подошел к двери и осмотрел ее.

– Кодовый замок, – сказал он, – те, кто мог знать код, давно мертвы.

Ева зашла в соседнюю комнату и увидела, что в углу сидит робот.

– Тут твой родственник, – сообщила она Саше.

Тот зашел через выбитую дверь и сел около робота.

– Может, он знает код, – предположила Ева.

Саша потряс его за руку, тот поднял голову и произнес:

– Здравствуйте, чем могу помочь?

– Ты понимаешь, что случилось? – начала расспрашивать его Ева.

– Да, все погибли, – ответил охранник.

– Как к тебе обращаться? – вступил в беседу Саша.

– Боб-три, но коллеги и друзья звали меня Петрович.

– Петрович... – усмехнулась Ева, – забавно.

– Что значит друзья? – спросил Саша.

– Это значит люди, с которыми я работал. Люди, с которыми мне хорошо, – ответил Боб-три.

– Твои друзья тоже все мертвы? – вздохнула Ева.

– Да, – ответил Боб-три, – сначала все перестали прихо-

дить на работу, а потом большие крылатые люди начали всех убивать.

– А где же тела? – удивилась Ева. – Здесь нет ни одного трупа.

– Я же говорю, никто не выходил на работу. Тела на улицах и в квартирах. В нашем ИР никого нет.

– С чего ты взял, что твои друзья мертвы, если ты сидел тут все это время? – продолжала задавать вопросы девочка.

– Я вышел на улицу, когда услышал крики, и понял, что всех убивают.

– Ты сказал, что тебе было с ними хорошо. Сейчас тебе жалко их? – спросил Саша.

– Кого?

– Твоих друзей. Кого же еще.

– Я не понимаю, что значит «жалко», – сказал Боб-три, – просто никого нет.

– Я на мгновение подумал, что этот, – Саша кивнул в сторону Боба-три, – тоже что-то чувствует и понимает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.